

Серые братья

Автор:

[Том Шервуд](#)

Серые братья

Том Шервуд

Сокровища ждут! #4

Вернувшись из плавания в Бристоль, Томас Локк получает страшное известие: от рук неких «охотников за черепами» погиб его лучший друг Бенсон. Однако гонец, принесший эту печальную весть, просит Томаса не пытаться найти убийц, чтобы отомстить за друга, - когда помощь Локка и его людей понадобится, его найдет посланник таинственных Серых братьев.

Роман «Серые братья» - четвертая книга из уже полюбившегося российским читателям цикла книг популярного писателя Владимира Ковалевского (Том Шервуд) о жизни и необыкновенных приключениях мастера Томаса Локка Лея, плотника и моряка из Бристоля, и его друзей.

Том Шервуд

«Серые Братья»

Белым пламенем в чёрной ночи

Их ведут звёзды вещей надежды, —

Древних рыцарей в серых одеждах,

Что несут под плащами мечи.

Ветераны невидимой битвы

С тьмою всех преисподних миров

Они ищут лишь Божьих Даров,

И сильней их мечей – их молитвы.

Пролог

Грозовой гром еще разламывал небо, когда подброшенный баллистой к чёрным тучам скорчившийся человек, растопыривший в полете колени и локти, гигантской, неведомо откуда взявшейся летучей мышью упал на деревянный скат двухэтажного спящего дома. Гром начисто стёр звук его «приземления» и, впившись стальными шипами в старую кровлю, человек замер.

Замер. Невидимый в темноте, растянул губы в недоброй, остро-самодовольной улыбке. Ливень хлестал, струи воды мгновенно пропитали одежду, а невиданный путешественник, слизывая с губ дождевые капли, сидел неподвижно, ожидая следующего содрогания туч и, белея оскалом крупных крепких зубов, улыбался.

Пролог, постскрипtum

Капитан пиратов отнял от глаза длинную подозрную трубу, с резким щелчком сложил её и бросил на палубу.

– Упрямые свиньи! – заорал он, наклоняясь вперёд, в ту сторону, куда указывал бушприт его корабля. – Всё равно догоню! Всех – на нож! Всех – на рею!

На шее его вздулись вены.

А бушприт, длинный деревянный брус с прикрепленным к нему основанием кливера, указывал на мотающийся впереди, между тяжёлыми волнами, старый, выдавший виды торговый бриг. Он отчаянно, подняв все паруса, уходил от погони.

– Флаг вроде голландский, – сказал подошедший к капитану его главный канонир. – Но это мало о чём говорит, флаг и мы можем выбросить какой угодно. Название не разглядел? – Он, наклонившись, поднял и протянул капитану подзорную трубу.

– «Бофур», – со злостью выговорил капитан, отталкивая трубу. – Похоже, в самом деле голландец.

– Видно, что это купец, – продолжил довольно спокойным голосом канонир. – Осадка глубокая, значит – с грузом. Богатый приз. И что ты злишься? Догоним.

– Как бы не так! – проорал ему в лицо капитан. – Ты, когда смотришь на приз, – не смотришь на небо!

Выватив из руки канонира и снова швырнув на палубу подзорную трубу, он резко повернулся и затопал на корму, к рулевому. Оставшийся в одиночестве канонир задрал вверх голову и, оскалив зубы и втянув сквозь них воздух, с досадой пробормотал:

– Да-а. Через часок здесь крепкий шторм будет.

Глава 1

Продавец тайн

Итак, я сидел в квартердеке, в любимой каюте, один. Сидел, пил лёгкое пиво.

Шумела вода за бортом. Крыса висела на стене над кроватью. В ящике стола лежал жемчуг, стоимостью, примерно, в шесть новеньких кораблей. Внизу, в

сундуках, покоилось золото.

Скоро уже, скоро – Англия!

Чудесное утро

Так же, как год назад, глубокой осенью «Дукат» вошёл в Бристольскую гавань. Только что рассвело, и солнце поднималось над спящим городом, и слепило глаза.

Как будто и не было этого нелёгкого года. Как будто недоброй выдумкой качались завязшие в памяти «Царь Молот», «Ля Неж», Джо Жаба, Хосе, плен у Хумима-паши, смерть товарищей. Хвала Создателю, всего этого больше нет. А есть Бристоль – вот он, на берегу, в дымке утреннего тумана, и там, в тумане – мой дом. А в нём – дорогие, любимые люди. А воображаемая встреча с Эвелин, предчувствие возгласов, слёз и объятий, и счастье, накопившееся, мерцающее в груди горячим маленьким солнцем, едва сдерживаемое, готовое всплеснуться в сердце – всё это сводило с ума.

Я бессовестно бросил все портовые заботы на Энди Стоуна. Я сказал ему:

– Капитан, сердце не выдержит. Мчусь домой.

– Никаких объяснений! – замахал он руками. – Сами всё сделаем, мистер Том! И бумаги отметим, и груз таможене представим. Вот, для вас уже шлюпку спускают!

Не торгуясь, я купил в порту свежую лошадь и помчался в сторону поднимающегося навстречу мне солнца.

Только въехав в парад, я подтянул узду: каменная мостовая – слишком скользкая поверхность для железных подков. И вот он – мой дом! Всё такой же, добрый друг-старина, – только двери новой краской покрыты. Спрыгнув с лошади, я шагнул к двери, потянул за ручку... Заперто изнутри. Добежав до ворот, ведущих во двор, я попытался войти через них – но и они были на запоре.

Тогда я просто перемахнул через забор и метнулся к двери с другой стороны дома. И вдруг – о, сколько же можно воевать! – окно возле двери приоткрылось и в него просунулся ствол короткого мушкета или аркебузы.

– Кто и зачем?! – грозно спросил человек за окном, но вдруг дрогнувшим голосом выкрикнул: – Черти чтоб взяли меня со всеми моими кишками, это же мистер Том, алле хагель!!

Глухо стукнула брошенная аркебуза, раздался шлепоток босых ступней по паркету, заклацали отбрасываемые запоры.

– Мистер Том! – кричал взъерошенный, в белом нижнем белье, смутно знакомый мне человек. – Вы когда прибыли? Что, «Дукат» здесь? А где все? А вы не узнаете меня? Я Носатый!

– Эвелин дома? – пьяно улыбаясь, спросил я, крепко хлопая его по плечу.

– Все наши – на третьем этаже! – крикнул уже в спину мне Носатый.

В пару прыжков преодолевая пролёты лестницы, я взлетел на третий этаж и быстрыми шагами пошёл, почти побежал к нашей с Эвелин спальне – в самый конец коридора, мимо прочих дверей. (Во дворе грохнул выстрел.) Вдруг за одной из этих дверей послышался крик:

– Томас!

Этот голос я не спутаю ни с чьим другим.

– Эвелин! – резко остановившись, негромко простонал я, и прикоснулся одеревеневшими пальцами к ручке двери.

А дверь уже раскрывалась, и жена моя, родная, прекрасная, милая, в утреннем халате, с несобранными волосами, с глазами, быстро напитывающимися влагой обняла меня, тесно прижавшись к моей пыльной дорожной одежде. Прикрыв дверь (а там, в коридорах, и во всём доме поднимался и рос шум возгласов и шагов), мы стояли, покачиваясь, стиснув друг друга, вытирая друг другу слёзы и, время от времени отстраняясь, вглядывались в лица. Эвелин дрожащими

пальцами пыталась то прибрать волосы, то расстегнуть пряжку моей нагрудной портупеи, то прикасалась к моему лицу.

– Надо идти, – наконец сказала она. – Там, наверное, весь дом собрался. Нас ждут...

– А почему ты не в нашей спальне? – спросил я.

– Нашу спальню я отдала Луису и Анне-Луизе. У них ребёнок родился.

– Они у нас живут? – изумлённо-радостно спрашивал я, но Эвелин уже тянула меня из комнаты в коридор и дальше, вниз, на второй этаж, в обеденную залу.

Войдя, я был оглушён хором радостных криков. Натянувший штаны и сапоги Носатый выстрелил из аркебузы в потолок – холостым зарядом. Да, Луис и Анна-Луиза были здесь (лица у обоих сияли), и Генри смущённо топтался, поправляя на носу круглые, в железной оправе очки. Давид, поникший и постаревший, в таких же, как у Генри очках, взволнованно бормотал, что он по воскресеньям всегда остаётся у Локков, а сегодня именно ведь воскресенье. (Он смотрел на меня с мольбой и надеждой, и я, в ответ на его немой вопрос, сквозь гул приветствий крикнул: «Я привёз их!») Мистер Бигль, в белых перчатках, согнувшись, стоял, опираясь на палку, и рядом топталась растерянная миссис Бигль. Алис, похорошевшая, взрослая, подпрыгивала, взмахивая рыжими волосами и била в ладоши. Я всех обнял, со всеми поцеловался, дал себя повертеть-рассмотреть. А потом, оглядывая поверх голов залу, громко спросил:

– А где Бэнсон?

И вдруг пала неожиданная тишина. Сердце моё привычно, как бы само по себе, приготовилось к неприятностям.

– Значит, вы с ним не встретились? – упавшим голосом спросила Алис.

– Мы разве должны были встретиться? – я обвёл всех недоумевающим взглядом.

– Когда ты прислал письмо, Томас, – грустно сказала Эвелин, – Бэнсон отправился тебя выручать.

– Куда?!

– В Багдад.

На ходу отстёгивая портупею, я подошёл к стоящей у стены оттоманке и сел.

– Разве я писал, что мне нужна помощь? – спросил я вслух самого себя. – Напротив, там было написано, что мы скоро увидимся.

– Бэнсон рассудил иначе, – сказала Эвелин. – И его можно понять. Как ты думаешь, смог бы он спокойно сидеть в этом доме и ждать – как у тебя всё разрешится? А если бы и сидел, то какими глазами он смотрел бы сейчас на тебя? Бэнсон отправился тебя выручать. В одиночку.

– Томас, – дрожащим голосом спросила Алис, – а там, в этом Багдаде – очень опасно?

– Даю тебе слово, – я прижал руку к груди, – что не опасно. И в Багдаде, и в Басре есть английские фактории. Там он узнает, что я спасся, и что «Дукат» ушёл в Англию. И повернёт домой. Думаю, что он уже на пути сюда. Алис! Бэнсон сильный, удачливый и бесстрашный. Он обязательно скоро вернётся. – И не удержался, прибавил с досадой: – Я же написал, что всё хорошо! Что скоро увидимся!

Тут выступил вперёд мой добрый старый Давид.

– Скажи, Том, – глубоко вздохнув, спросил он, – правильно ли я понял...

– Правильно, дорогой мой учитель. Правильно. Поспешика домой, – Эдд и Корвин, бьюсь об заклад, сейчас настёгивают лошадей и будут там с минуты на минуту.

– А я побегу вниз, на кухню – всплеснула руками толстенькая и ничуть не постаревшая миссис Бигль. – О-ой, сколько народа сегодня кормить придётся!..

Минутная тягостная пауза проходила, и все снова начали радостно переговариваться.

– Мистер Том, – неуверенно попросил Генри, – пока миссис Бигль готовит вам завтрак, не могли бы вы присесть за этот стол, и хоть немного нам рассказать, что видели и где были?

Я порывисто встал с оттоманки и, шагнув к столу, громко, с воодушевлением заявил:

– Чудеса с нами произошли – как жуткие, так и весёлые. Так что приготовьтесь и пугаться, и радоваться!

Торопливо, грохоча стульями, обитатели нашего дома стали рассаживаться за огромным овальным столом. Я же, уловив секунду, тихо спросил Эвелин:

– Мебельные дела кто ведёт? Луис?

– Нет, – ответила мне жена. – Все дела веду я.

– Хорошо, – я осмотрелся и громко позвал: – Носатый!

– Я здесь, капитан! – выкрикнул он, замирая на месте и бросая воняющую порохом аркебузу прикладом к ноге.

– Ступай-ка, друг, вниз, в салон. Приготовь его к тому, что скоро туда заявятся полсотни усталых и желающих выпить матросов. Возьми денег побольше, спроси миссис Бигль, чего нужно прикупить из еды, и – на рынок. Да загони во двор мою лошадь, – я, кажется, её даже не привязал.

Вот так, Носатый умчался, а я, отставив стул, стал усаживаться под нетерпеливыми взглядами, принимая вид нарочито весомый и важный.

– Однажды, – сказал я, усевшись и достав трубку, – один турецкий паша решил сделать своему султану подарок...

Торговец секретами

День пролетел – суматошный и радостный. Алис показывала мне их с Бэнсоном сына – маленького Тома (глазёнки – как две капли воды – бэнсоновы), Луис и Анна-Луиза принесли ещё более крохотного Эдвина (которого дед, когда впервые взял на руки, объявил будущим пэром Англии). Стоун привёз бумаги из адмиралтейства. Генри хвалился библиотекой. Эдд и Корвин, общие любимцы и баловни, то появлялись, то исчезали. Давид, впервые, наверно, за этот год успокоившись, лежал, накрытый одеялом, на оттоманке в обеденной зале и негромко храпел. Шум, топот и крики утихли лишь к вечеру.

Вечером Эвелин, усадив меня, как маленького, в ванну и отмывая от дорожных пыли и тягот, негромко и неторопливо рассказывала о новостях.

– Я поменяла трубы, – говорила она, – видишь, вместо свинцовых теперь железные. Приобрела водогрейный котёл – теперь он стоит в подвале, а здесь, как только откроешь кран – идёт горячая вода. И ещё я тебе сделала подарок.

– Какой?

– Ты помнишь надстройку над третьим этажом в южном крыле?

– Конечно помню. Но я едва заглянул туда – и распорядился заколотить. Бывший хозяин там сложил вещи, которые не увёз сразу.

– Бывший хозяин забрал-таки свои вещи. И помещение освободилось. И его-то я тебе и дарю.

– Но, Эвелин, ты что-то недоговариваешь?

– Кое-что.

– Выкладывай сейчас же это кое-что. Не томи!

– Это прекрасная комната, пять на пять ярдов, с двумя окнами и стенами почти в ярд толщиной. Я отремонтировала её – новые рамы, пол, двери. Но главное, Том, там есть камин, с круглой такой топкой...

– С круглым порталом.

– С круглым порталом. И он отменно работает – я приглашала трубочиста, чтобы он проверил трубу. И вот однажды я смотрела на эту надстройку снизу, со двора, и обнаружила странную вещь. Меня заинтересовал небольшой, но широкий выступ в стене – как я поняла, для каминного дымохода. Но для дымохода он был слишком широк! Побоявшись, что меня засмеют, я незаметно измерила. Получилось, что камин в комнате занимает два ярда. А выступ снаружи, за стеною, – четыре! Тогда я, опять скрытно, взяла молоток и отбила штукатурку со стены рядом с камином.

– И что там? Кирпич?

– Нет, Томас. Там сейф.

– Подожди-подожди... То есть как?

– Очень старый, железный, встроенный в стену сейф в рост человека, с толстой дверцей, с отпертым замком и совершенно пустой.

– А... а зачем тогда его нужно было прятать за штукатурку?

– Это ты уже сам разгадывай. Я только знаю, что у тебя теперь есть отдельный, тихий и очень уютный ка-би-нет.

Мы, конечно же, отправились в это захламленное в прошлом помещение (я оставлял мокрые следы на паркете) и, зажёгши свечи, рассмотрели и сейф, и камин, и даже – какой вид из окон. Повернувшись к Эвелин, я с волнением и нежностью произнёс:

– Ни у кого на свете нет такой жены, как у меня, до бессовестности счастливого человека.

– Я тебя так ждала, – прошептала она, прижавшись щекой к моему плечу.

Стоит ли говорить, что на следующий вечер я, Луис, Энди и Эвелин собрались в моём кабинете, где на полу были расставлены привезённые с «Дуката» сундуки

с золотом, жемчугом, драгоценностями. Два стола и две длинные лавки были подняты в эту мансарду, и на них мы выкладывали и сортировали сокровища.

Под столами поставили два больших дубовых ведра, и в них сбрасывали древние, четырнадцатого века, серебряные гроуты. На лавки выкладывали бумажные малоценные шотландские банкноты, и там же – римские, банка «Святого Духа». На один из столов отправлялись испанские серебряные песо и золотые дублоны. На втором в виде массивных крепостных стен выстраивались шпалеры из сложенных в столбцы золотых ноблей; отдельно – массивные, тяжкие соверены Генриха Седьмого; следом – уже скромных размеров соверены Генриха Восьмого. Потом – уже вовсе маленькие соверены Георга Третьего. Потом – очень красивые, со слоном, «гвинейские» золотые Карла Второго. Потом – столетние, тысяча шестьсот пятидесятого года золотые фунты, отчеканенные во время управления Парламента. И, наконец, мои любимые современные золотые гиней, – их мы складывали в роскошные, надменные, Ганзейского торгового дома портфунты, на стальных пряжках которых были выбиты клейма мастера Базеля. В один такой прочный, высочайшего качества кожи, со смоляной прошивкой кошель входило золота ровно на одну тысячу фунтов.

Жемчуг, инкрустированные самоцветами безделушки и разные неоцениваемые пока драгоценности горами ссыпали в широко раскрытые рты сундуков.

Не хватало только Давида, но он скоро прибыл, – тяжело дышащий, взволнованный.

– Я привёз человека, – сказал он мне, – у которого весьма серьёзные рекомендации и которого, я думаю, надо послушать.

– Кто он? – спросил я, с неохотой отрываясь от золотых монет, которые складывал в столбики.

– Его надо послушать, – повторил мой старый друг и добавил: – Мы, с твоего позволения, поужинаем, а когда вы закончите, – ты нас прими.

Мы закончили подсчёты. Записали сальдо в реестр. Захлопнули крышки сундуков и замкнули замки. Я тоже был бы не прочь поужинать, но дело, как оказалось, отлагательства не терпело.

Давид, лишь кивнув головой в сторону приехавшего с ним человека, прошёл к камину и, открыв шибер[1 - Шибер – задвижка в каминной трубе, вращающаяся на оси, ручка от которой выведена наружу.], принялся разводить огонь.

Человек, оказавшийся невероятно худым, чернокожим (хотя и европейской внешности!) стариком, учтиво поклонился и, вслед за моим приглашающим жестом, сел к столу, поставив у ног мешок с чем-то тяжёлым.

– Меня зовут Мухуши, – сказал он надтреснутым тенором. – Я специалист в одном не совсем обычном деле.

– А именно? – вежливо поинтересовался я.

– Я торгую секретами.

– Секретами?!

– Ну да, да, да, да! Я продаю секреты, тайны. За некоторые весьма сносно платят.

– И вы ко мне по этому делу?

– К кому же ещё? – старик уставил в меня свои водянистые глазки. – Этот секрет у меня купит только Томас Локк Лей, алле хагель.

– Вы – бывший пират? – я не сумел сдержать досады и пренебрежения.

– Нет, просто знался с морскими ребятами. Но вас не это должно занимать, «Том, – как говорят друзья, – Чёрный Жемчуг», или «Том, – как говорят завистники, – Сопливый Счастливчик». Я вам предлагаю купить у меня секрет лично для вас преполезный, и заплатить за него три тысячи фунтов, причём деньги выдать до оглашения секрета.

Я в растерянности оглянулся на запалившего-таки огонь в камине Давида:

– Он шутит?

– Совершенно не представляю, о чём может идти речь, – прижал тот руку к груди. – Ручаюсь лишь, что рекомендации у мистера Мухуши – надёжные. И он заверил меня, что мистер Локк Лей будет очень доволен покупкой. В остальном – решай сам.

– Да что же это делается! – воскликнул я, обнаружив, что против воли тянусь к сундуку с только что пересчитанным золотом. – Это ведь не кружка пива, и не тюк табаку! Это три тысячи! Стоимость места в парламенте! За уверение, что я буду рад... Вот вам!!

И я поставил на стол три тяжёлых кожаных портфунта.

– В каждом – ровно по тысяче. Считайте!

Но, к моему удивлению, считать Мухуши не стал. Он поднялся со стула, развязал свой мешок и вытащил из него какого-то деревянно-металлического уродца, с пружинами на дубовой раме и четырьмя железными лапками. Торговец секретами подошёл к одному из окон, раскрыл его и, усадив своего уродца на подоконник, быстро сжал винтами его острые лапки. После этого он покачал, натягивая пружины, затейливым рычагом, отложил его, вернулся к столу, взял один из портфунтов, устроил его в центре уродца – и спустил звонко щёлкнувший рычажок. Кошель с золотом мелькнул за окно и исчез. (Я переглянулся с Давидом. Лица у нас были вытянуты.) Проделав этот фокус ещё два раза, Мухуши снял уродца с подоконника, опустил в мешок и замер, приложив руку к уху наподобие ковшика. С улицы донёсся резкий пронзительный свист.

– Ну что же, – произнёс, довольно потирая свои чёрные руки, изумительный гость. – Деньги получены. Теперь – то, за что они плачены.

– Я впервые вижу, – произнёс оторопело Давид, – такую предусмотрительность!

– И такую подготовку и такой тонкий расчёт! – поддержал его я.

– Это зрелище – бесплатно, – повёл головой, соорудив серьёзную физиономию, чёрный старик. – А вот за это – заплачено только что. Прошу получить.

И он выложил на стол какую-то карту.

– Что это? – одновременно спросили мы с Давидом.

– Имение «Шервуд», – ответил Мухуши. – Хотя, честно сказать, оно не очень-то «вуд»[2 - Wood(англ.) – лес.]. Вот – бывшая роща дубов. Там сейчас одни пни. Вот это – бывшая буковая роща. Там тоже пни. Это – река. Ущелье, скалы, четыре оврага, шесть ручьёв, большое пахотное поле, три озерца, – одно довольно большое, – два сосновых и два смешанных леса, невеликие. Вот здесь, – видите? – форт с громким именем «Шервуд». Небольшой. В лоте торгов записан как замок. Сохранился отменно. Красная линия – граница с соседями. Всё это выставлено на продажу и оценено в пятьдесят две тысячи фунтов. Однако желающих приобрести это имение – нет. Так как, во-первых, вырублены до последнего дерева окружавшие его леса, а во-вторых, к имению присовокуплен участок совсем негодной земли с ущельем и скалами – длинное ущелье, правда? И этот участок оценен ещё в четыре тысячи фунтов. В совокупности, за такое имение и такой замок – не очень-то дорого, но – нет желающих. Нет. Кроме, – старик поднял похожий на корявую ветку палец к потолку, – Томаса Локка.

– Ну и почему же? – поинтересовался «Томас Локк», усилием воли заставляя себя казаться спокойным.

– По трём причинам, – старик отпустил карту и та, прошуршав, свернулась в толстую трубку. – Первая: у Томаса Локка есть деньги. Вторая: Томас Локк получает титул баронета – а если повезёт – то барона, с правом передачи этого титула по наследству. Ну а третья – вот она.

И старик, наклонившись, снова взялся за мешок и вытащил из него другой, поменьше. Развязав горлышко, он высыпал прямо на стол его содержимое. Три крупных маслянисто-чёрных камня.

– О, Боже! – пробормотал Давид. – Это же...

– Горный уголь, – закончил за него Мухуши. – Горит дольше дерева и несравненно жарче. Если бы бывшие владельцы «Шервуда» знали, что у них под боком расположена угольная жила – они ни за что не стали бы рубить деревья. А жила – вот она, – старик снова развернул карту, – в ущелье, на том самом никому не нужном участке.

– Да-а, – протянул Давид. – Если всё так... Уголь – это деньги. Или – собственные кузни, рудоплавильни, стеклозаводы, – и уже большие деньги.

Я же, потирая лоб, думал не о горном угле, а о замке и титуле.

– Мистер Мухуши! – торжественно проговорил между тем Давид. – Если угольная жила существует – моё слово прибавится к вашим рекомендациям.

– Весьма признателен, – ответил торговец секретами. – Заверяю, что она действительно существует, и что человек, нашедший её – умер.

– Случайно, не вы ему помогли... – я поднял голову.

– Нет! – вскинул руки старик. – Он сам. Это можно проверить.

– А когда, – спросил Давид, – можно подать прошение о покупке?

– Как только мистер Локк предъявит в таможенную привезённые им на «Дукате» товары и получит уведомление, что он на законных основаниях обладает суммой в пятьдесят шесть тысяч фунтов. А я на свои три тысячи, которые скачут сейчас из Бристоля в мой загородный домишко, никакого подтверждения в их законности брать не намерен. При этом позвольте откланяться – и, мистер Дёдли, не забудьте об обещанной рекомендации.

Давид проводил чернолицего гостя и вернулся. Сел за стол. Я сел напротив. Мы развернули карту, ещё раз всмотрелись.

– Эвелин будет баронессой, – сказал я шёпотом. – А я сам – всю жизнь буду сажать и растить дубовый и буковый леса.

– Томас, – так же шёпотом ответил Давид. – Нужно немедленно и отчаянно выпить.

– Есть бочка ямайского рома в подвале. Идём, Давид.

– Идём, Томас.

Мистер Шервуд

После этой ночи я уехал из дома и отсутствовал две недели. С Давидом, Готлибом и Робертсоном мы находились в Лондоне, где совершали необходимые нотариальные действия по регистрации покупки имения. На обратном пути, прихватив ещё землемера, завернули в форт «Шервуд». Робертсон и Готлиб, навьючив на свободную лошадь тюк с едой и связку длинных землемерных кольев-вешек, отправились сопровождать самого землемера в его унылом и обыденном путешествии: он должен был на месте, «на земле» подтвердить границы имения. (Спешу заметить, что в нашем случае этому путешествию не пришлось быть унылым, так как в тюке с едой находились анкер с вином и дюжина бутылок с ромом. (Ром был нужен не только для благополучного завершения межевых работ. Просто становилось уже ощутимо холодно.))

Мы же с Давидом, верхом на двух лошадях, въехали в центральные ворота маленького старинного замка.

– Странно, – сказал Давид, – а где сторожа? Ведь несколько сторожей от префектуры должны охранять замок до исхода торгов! И, смотри-ка – нет никого.

– Всё к лучшему, – рассмеялся я, привставая на стремянах. – Осмотрим владения без посторонних зевак!

Медленным шагом мы ехали по широкой мощёной булыжником улице. Я вертел головой во все стороны. Слева и справа высились стены каких-то древних зданий – массивные, с добротной, крупной каменной кладкой. Несколько раз встречались отводы от главной улицы в стороны, изредка – тёмные дверные проёмы без дверей, но мы никуда не сворачивали.

Въездной путь закончился толстой башней с распахнутыми настежь красными от ржавчины огромными воротами. Здесь лежал белый, отмытый дождями скелет то ли козы, то ли собаки.

Потянулись складские постройки – классические длинные, с узкими окнами под самой крышей цейхгаузы; конюшни, трёхстенная кузня, в глубине которой были видны наковальня и – вот странность! – два, друг супротив друга, горна.

– Надо же! Никто не спёр наковальню!

– Станина, вероятно, так глубоко вкопана в землю, что четвёркой лошадей не своротишь!

Начались жилые постройки – многоярусные, с лабиринтами ходов, балконов, лестниц и лесенок. Вдруг Давид придержал лошадь:

– Смотри, Томас! Что это там?

– Кажется, мост.

– Если есть мост, значит, там родник или ручей. Хорошо бы местную воду испробовать!

Мы свернули, и через минуту копыта лошадей зацокали о каменную, выгнутую изящной аркой спину небольшого моста. Миновав его, справа мы увидели маленькое одноэтажное здание, из недр которого, с шумом и клёкотом выбегал искристый, прозрачный ручей.

– Сильный родник, – уважительно заявил Давид, слезая с лошади.

Он передал мне поводья, подобрался к ручью, кряхтя наклонился и отведал воды.

– Хрусталь! – поднявшись, Давид повернул ко мне мокрое, с довольной улыбкой лицо. – Лёд и хрусталь!

А слева от моста стояло громадное здание – не с дверями, а высокими дубовыми воротами, которые сохранились, видимо, лишь потому, что снять их было не всем под силу. Мы въехали на лошадях – по ступенькам и внутрь.

– Ну что, – сказал Давид, – вполне приличное помещение.

Мало сказать – приличное. Квадрат, шагов сорок на сорок, с дюжиной окон, заколоченных рогожей и досками. На полу – не плахи, а тёсанные в брус брёвна. Камин, в который можно въехать на лошади. В нём – вертел, на котором можно жарить быка. Вдоль одной из стен – на сорок же шагов лавка, такая широкая, что на ней можно было, откинувшись, лечь, а перед ней – такой же длины стол. Многочисленные ноги его уходили вниз, сквозь брёвна, и, очевидно, это также было причиной того, что стол не унесли; – хотя один край был изрядно выщеплен топором: какой-нибудь заблудившийся странник не нашёл другого топлива для костра.

Встав на седло ногами, я дотянулся и содрал с одного окна полусгнившие доски с рогожей. Будет хоть немного света, когда закроется дверь.

Мы отвели к ручью и напоили лошадей и, вернувшись, сняли с них сбрую и привязали в углу, насыпав в торбы овса.

– Камин затопить нечем, – посетовал Давид, устраиваясь на боку на длинной лавке. – В Англии и без того дерева мало. А тут – всё, что можно – пожгли.

– Подожди-ка, – сказал я в ответ и, натянув снятый было сапог, вышел из «каминного» зала.

Вернувшись к мосту, я взялся и крепко потряс одно из перил. Подгнившие концы его легко вывернулись из удерживающих их железных колец. «Всё равно новые ставить!» Обратно я вернулся с тяжёлой охапкой длинных, потемневших от времени деревянных жёрдок. С грохотом сбросив эту ношу возле камина, я потянул за висящий сбоку него шест, который вверху, почти под потолком был кольцом соединён с рычагом шибера. Потянул – и шибер, проскрипев, отворился.

Через полчаса в камине пылал огонь, Давид негромко похрапывал на лавке, а я сидел за огромным столом и, разложив перед собой новенькие, хрустящие, с гербами бумаги, перебирал их, выхватывая взглядом случайные строчки: «собственность на строения... собственность на уголья... на лес... на ущелье с участком реки... итоговая собственность...» И везде владельцем этого необъятного имущества был вписан некий «Сопливый Счастливчик» Том Локк.

Давид перестал храпеть, поднял голову, бросил взгляд на бумаги.

– Скоро всё надо будет менять, – сказал он с некоторым пренебрежением.

– Почему? – удивлённо поинтересовался я.

– Ты теперь не Локк, – сказал равнодушно Давид. – Ты теперь Шервуд. Все бумаги надо будет переписывать на новую фамилию, с учётом титула. Мистер барон.

– Да-а, – мечтательно сказал я, – «барон Шервуд» – это звучит. Конечно, было бы лучше «граф Шервуд», но это как-нибудь после. Главное – как благородно звучит «баронесса Эвелин Шервуд»!

Надвинулась тёмная ночь. Слабо трещал, догорая, огонь в необъятном камине. Мирно хрупали овёс лошади. Посапывал Давид. Где-то в замке прокричал поселившийся под одной из крыш филин. Невесомое, сладкое ощущение торжественности и удовольствия не давало мне спать. «Вы знаете, кто я такой? – мысленно говорил я всем знакомым мне людям. – Я – барон Шервуд!»

За стенами поднялся ветер, и в чёрный проём окна стали залетать редкие снежинки. Очень странно, ведь ещё не зима...

Так и не уснув, я развёл, – едва только стало светать, – новый огонь в остывшем камине. Встал озябший Давид, охая, прошлёпал к ручью, умылся.

– Нет, – бормотал он, вытирая покрасневшее от ледяной воды лицо, – не по моим годам уже сны на жёстком дереве, да на холоде...

Его прервал дробный топот копыт. Спустя минуту к нам подъехал молчаливый, долговязый Робертсон. Он слез с лошади, снял пару тяжёлых мешков.

– Хорошо, – проговорил, взглянув вверх, – что идёт дым. Быстро вас нашёл.

И развязал мешок.

Мы заглянули. Чёрные, маслянисто поблёскивающие камни. «Уголь!»

– В ущелье не просто жила, мистер Том, – сказал Робертсон. – Там целый пласт – длинный и толстый. Уходит вглубь скалы. Вот, набрал из-под ног.

Мы быстро перенесли уголь к камину и, разбив его на куски помельче, набросали в огонь. Заалело и вскинулось жаркое пламя. Остро запахло непривычным «кислым» дымом. Я принёс и бросил в огонь оловянную ложку, и мы минуту смотрели, как она, плавясь, стекает сквозь побелевшие угли вниз, к подду камина.

– Уголь – шептал Давид, – это и кузни, и керамический цех, и стекольная мануфактура. Это большие деньги. На всю жизнь. И детям, и внукам.

Горевестник

Предчувствия посещали меня редко, но никогда не обманывали. Никогда. Вот и сейчас, торопясь домой с невероятной, ослепительной радостью, переполненный счастьем и ликованием от созерцания собственного замка и от свалившегося с неба дворянского титула, воображая трепетную радость Эвелин, я вдруг почувствовал, как сквозь меня пролетело невидимое холодное облачко, заставившее мою кровь на мгновение сделаться ледяной.

– Давид, – сказал я едущему рядом старому другу, когда ко мне вернулась способность нормально дышать. – Кажется, дома нас ждёт что-то ужасное.

– Что ты говоришь, Томас! – воскликнул Давид, перегибаясь в седле и хлопая меня по плечу. – Сейчас в твоей жизни – этап везения и удач! Что может ждать тебя дома? Только радость! Ты, может быть, не замечаешь, а со стороны хорошо видно, как радуются все, все! – когда ты приезжаешь. Эвелин сейчас покраснеет, как девочка. Анна-Луиза будет смотреть на тебя с обожанием. Знаешь, как она до сих пор зовёт тебя? Не знаешь? «Милорд». Миссис Бигль бросится хлопотать по поводу чего-нибудь «вкусненького», а непоседа Алис будет ей мешать и таскать кусочки из-под руки. И знаешь, почему это ей будет позволено? Потому, что ты – дома. Луис и Генри – знаешь ли ты, сколько вечеров они о тебе говорили? И у одного и у второго ты изменил судьбу, – минутным безумным поступком. А мои Эдд и Корвин! Ты знаешь, что кумир у них – не морской волк Энди Стоун, и не просоленный боцман Бариль, и даже не их

старый отец, а вчерашний мальчишка и новоявленный дворянин Том Шервуд! Что может ждать тебя впереди, кроме радости?

Его уверенность была заразной. Он успокоил меня. Особенно же подействовало и унесло остатки сомнений так легко и так сладко прозвучавшее вдруг «Том Шервуд».

Но Давида, в отличие от меня, не посещали предчувствия.

Подъезжая к дому, я заметил, что в двери временно прекратившего работу мебельного салона не входят и не выходят матросы. Шторы в окнах задёрнуты. Для чего? Свечи жгут днём?

В доме действительно горели свечи. В нём, притихшем и замершем, царили безмолвие и полумрак. В сердце снова ударило холодом. Придерживая длинную неудобную шпагу (не удержался в Лондоне, понимаете ли вы меня, и купил шпагу, и стал открыто носить – всё-таки без пяти минут дворянин!), бросился вверх по лестнице, в жилые покои, перепрыгивая через три ступеньки – навстречу неизвестности, излучающей этот мертвенный холод, – запрыгал, но вдруг за спиной послышался звук отворяемой двери и Эвелин, выходя из мебельного салона, безжизненным голосом произнесла: «Томас...»

Внутри меня словно щёлкнуло что-то. Стало легче дышать. Стало тепло. «Если и беда – то не с Эвелин. Всё остальное – переживу».

Если бы! Судьба наносит подчас такие удары, которые не то что предвосхитить – выдумать невозможно. В бывшем салоне, а ныне – временной кают-компании сидели почти все матросы «Дуката». Здесь же находились и наши домашние обитатели. Было сильно накурено, душно и тихо.

Навстречу мне поднялся и, сняв рваную треуголку, поклонился незнакомый мне человек. В летах. (Наверное, за сорок.) Невысокий, худой, с битым частыми синими шрамами лицом «похоже, в стволе взорвался порох при выстреле!» Однорукий. Пустой правый рукав заправлен за каболку, завязанную на поясе вместо ремня.

– Ради Бога, – произнёс он, выпрямляясь, надтреснутым голосом, – простите меня, Мистер Том, за то, что принёс в ваш дом злые вести.

Я, путаясь в дурацкой шпаге, сдержанно поклонился в ответ. Жестом пригласил горевестника сесть и сел сам (мне поспешно подвинули стул). Однорукий гость, сев, однако снова привстал – для того, чтобы протянуть мне четвертушку бумаги, побывавшую до этого, судя по её состоянию, во многих руках.

Это было письмо.

«Свет мой небесный родная навеки Алис. Завтра схватка из которой живым мне не выйти. Скажи Томику что отец его был хорошим. Прощайте все родные мои любимые навсегда. Бэн Бэнсон.»

– И... Что?! – я поднял глаза на однорукого гостя.

– Он умер при мне, – скорбно качая головой, ответил тот. – Нас было пятеро. Мы были заперты в пещере. Против нас были наёмники «охотников за черепами». Шестьдесят человек. Утром должен был начаться штурм. Бэнсон взял у меня обещание, что я останусь жив и отвезу в Бристоль это письмо. Он надел мне на шею цепь, и конец её привалил огромным камнем. Для того, чтобы я смог сойти за раба, и меня не зарубили бы, как остальных. Так и вышло. И вот – я здесь.

– Где... – глухо спросил я, – он... похоронен?

– Нигде, – ответил, качая головой, горевестник. – Тела моих четверых товарищей – и Бэнсона тоже, и своих два десятка они вывезли на шлюпках и сбросили в море.

– Ты видел?

– Я видел.

– Кто эти «охотники» и как их найти?

– Бэнсон сказал, чтобы вы просто ждали. Если понадобится ваша помощь, мистер Том, к вам придёт человек.

– Какой человек? От кого?

– Он должен вам будет сказать, что его послали «Серые братья».

Больше минуты в кают-компании стояла тягостная тишина.

– Вы останетесь на пару дней у нас? – спросил я, – и не узнал своего голоса. – Мне бы хотелось вас расспросить...

– Нет, мистер Том. Я и так прождал вас отчаянно долго. А у меня, как вы понимаете, остались кое-какие личные счёты.

– К «охотникам за черепами»?

– К «охотникам за черепами».

– Так может, и я... – тут я увидел, что отразилось на лицах у моих матросов, и поправился: – может, и мы...

– Я один раз уже сказал, мистер Том. Нет. Бэнсон на Небе будет вам благодарен, если вы не оставите своей заботой его семью, и дождётесь кого-нибудь из «Серых братьев». За сим – позвольте откланяться. Времени не просто мало – его отчаянно мало. – И, останавливая мою следующую фразу, нацепливая свою рваную треуголку, закончил: – Ни в деньгах, ни в каких-либо иных средствах нужды у меня нет.

И вышел. Через минуту за окном простучала копытами лошадь. Я нашёл взглядом Эвелин, и она ответила на мой безмолвный вопрос:

– Алис уже знает...

– Где она? – вставая с неимоверным трудом, как будто на плечах моих лежала наковальня из заброшенной кузни замка «Шервуд», спросил я.

– Наверху, в своей комнате. С маленьким Томом.

Отстегнув шпагу и передав её Эвелин, я на одеревеневших ногах стал подниматься вверх. Дойдя до комнаты Бэнсона и Алис, я встал, понимая, что у меня нет сил ни постучать, ни открыть эту дверь.

– Кто там? – вдруг послышался слабый голос.

«Томас», – хотел произнести я, и не смог. Вместо этого потянул-таки дверь и переступил порог.

Алис сидела на скамье возле детской кроватки. На руках у неё был крохотный человек с тёмно-кариими бэнсоновыми глазами. Простучав каблуками (звуки шагов принесли в мои уши как выстрелы) я подошёл и опустился перед Алис на колени. Сказал всего лишь два слова:

– Прости меня...

Она сидела, зажав ладонью рот. Потом отняла руку, прикоснулась к моей голове. Всклипнула. Заскрипев зубами, я встал и быстро вышел из комнаты. Взбежал в свой, пристроенный над третьим этажом кабинет, встал посередине его, пригнувшись, как перед прыжком, и несколько минут дико орал. Орал, надрывая гортань, по-звериному воя, выбрасывая из себя слёзы и боль.

Потом, – я помню, – долго сидел за столом, напротив камина, уставившись на сжатые, лежащие на столешнице кулаки. Время от времени меня окатывали волны глубокой, мучительной дрожи. Но к тому времени, когда наверх ко мне пришла Эвелин, я вполне уже владел собой.

– Собрались? – спросил я её.

– Собрались.

Мы спустились вниз, на второй этаж, где за овальным столом стояли плотным кольцом молчаливые люди. В руках у них были грубые матросские кружки с ромом. Одна кружка стояла на столе – тоже с ромом, накрытая ломтем хлеба.

Вот так Судьба качнула весы, на второй чаше которых лежало моё недавнее счастье.

Встреча с призраком

Чем только можно старался я отвлечь Алис от тяжёлых дум и страданий. Поэтому, когда выпал неожиданный снег, я снарядил и отправил кортеж в тихий, заброшенный, несказанно прекрасный замок Шервуд. Поехали все – даже Луис и Анна-Луиза со своим малышом, – чтобы Алис и Томик были в «детской» компании.

Ехали с нами и «новичок». Им был, – как бы это вас ни удивило, – японец Тай. Он достаточно хорошо уже говорил на английском, так что был в состоянии объяснить мне, что желает жить в замке и выполнять работу, названия которой в английском языке не существует. Я помнил, как он с «Хаузена» пришёл в мою команду, и кем он был для меня в день сражения на плантациях Жабы, и в бешеной схватке с легионерами Города, и в Багдадском плену. Помнил – и согласился мгновенно, без даже самого короткого колебания. (В тот миг он пристально смотрел мне в глаза, но я тогда не придавал этому значения.)

Разумеется, нашему выезду предшествовала подготовка. Когда передние кареты миновали выгнутый, с новыми некрашенными перилами мостик, распахнулись двери-ворота «каминного» зала и на приехавших, ступающих на снег из карет, пахло теплом уже вполне обжитого места. Носатый, стоя у полуоткрытой створки ворот, жестами приглашал входить поскорее – чтобы не выстудить зал.

Внутри зал выглядел празднично, даже – роскошно. Все доски и полусгнившие циновки с окон были удалены, и в оконных проёмах стояли новые рамы и стёкла. Прибавилось интерьера: десяток стульев с высокими спинками, – взамен исчезнувших (скорее всего, сожжённых в этом необъятном, больше, чем у сэра Коривля, камине); несколько кресел, двухъярусный гардероб, ковры, пара кушеток, игорный, с зелёным сукном, стол; угол-будуар и угол-кухня. Будуар был отгорожен высокими ширмами, и там, помимо кроватей с пологам, – для дам, – стояли ещё две детские кровати-корзины.

– Как тепло! – воскликнул я, войдя в зал, и добавил, обращаясь к Носатому: – Ты, видно, всю ночь от камина не отходил!

– Не совсем так, мистер Том, – ответил он, и в голосе его присутствовал оттенок интриги, – здесь отопление позатейливей!

Он поманил меня в глубину зала, жестом попросив не раздеваться, и вывел сквозь незаметную, прятавшуюся в углу дверцу во внутренний двор. Здесь стояли слегка присыпанные снегом бочки с горным углем (молодец, Робертсон!), широкая, жёлтая, свежеотпиленная плаха, на которой алела расчленённая туша свиньи, а чуть в стороне сверкала льдистой корочкой и новенькими, такими же жёлтыми досками высокая, с длинным спуском горка для санного катания. Однако Носатый не дал мне полюбоваться на заснеженный, забрызганный солнцем двор, а манил куда-то ещё дальше. Я последовал за ним, и мы вошли в небольшое вытянутое помещение, в котором не было ничего кроме трёх вделанных в стену печей-голландок.

– Эта стена, – догадался я, – общая с «каминным» залом? И это от печей, а не от камина, в нём так тепло?

Носатый кивнул.

– Не знаю, кто возводил эти постройки, – сказал он, поднимая руку к потолку, – но возведены они хорошо!

Когда мы вернулись в зал, в нём царил хохот, топот подкованных каблучков и призывные крики: одетые в недавно сшитые алые камзолы с золочёными пуговицами Робертсон и Готлиб Глаз разносили чашки с расплавленным шоколадом.

Мы жили в замке три дня.

Я не для того упоминаю наш выезд «на нежданный снег», чтобы рассказать о том, как прекрасно и счастливо мы провели эти три дня (хотя Алис так ни разу и не улыбнулась); каким ароматным вышло мясо, зажаренное на букане в камине, как мы вечерами, собравшись за остающимся наполовину пустым столом пили, ели и распевали старинные песни, как выносили в люльках на воздух маленьких Томика и Эдвина, и они лежали, закутанные, словно толстые куклы, на свежем, с лёгким морозцем, воздухе, и молча таращили в небо свои поблёскивающие глазки, – нет, не для того я всё это упоминаю. Мне важно поведать вам, в каком настроении я получил письмо, которое ожидало меня в нашем доме в Бристоле, когда наш «снежный» поход завершился.

Рука дрогнула у меня, когда я протянул её за поданным миссис Бигль сложенным втрое, грубо залитым воском листом бумаги. Я отлепил воск. «Ну, какие ещё новости мне уготовлены?»

Письма, как такового, и не было. А были старательно выведенные на бумаге два рисунка – подковы и пивной кружки. Кузнец! Очевидно, он как-то узнал, что я вернулся в Бристоль, и вот – прислал приглашение. Да, ведь ни читать, ни писать он не умеет. Как же я про него забыл? И что делать? Отложить поездку к нему до относительно свободного времени? А если оно не наступит – да оно и не наступит в ближайшем будущем, – получение титула, хождение по кабинетам, ещё ждёт адмиралтейство, восстановление замка, тайный, упрямый поиск «охотников за черепами»... Сейчас! Нужно ехать прямо сейчас.

В двух словах объяснив случившееся домашним, я вышел во двор, взнуздал свежую лошадь и направил её в сторону кузни.

Зимой темнеет быстро, и, когда я подскакал к знакомым воротам с прибитой над ними огромной бутафорской подковой, меня окружала уже непроглядная ночь.

Ночь! Вот – лучшее время для событий роковых и неожиданных. Отворив оббитую овчиной и рогожею дверь, вместе с вкатившимся клубом морозного воздуха я вошёл в дом, где получал когда-то первые навыки мастерства. Кузнец, разводя в стороны чёрные от въевшегося угля руки, поднялся мне навстречу – кряжистый, чернобородый, с улыбкой, которая в своё время казалась мне злодейским оскалом. Мы обнялись.

Кузнец был не один. Когда я вошёл, за столом, спиной ко мне сидел ещё кто-то, – крупный человек престранного вида. На голове его был повязан нелепый для зимнего времени цветной пиратский платок. Тело покрывала необъятных размеров куртка коричневой воловьей кожи. Рукава у неё были отрезаны, и вместо них вшиты рукава из медвежьей шкуры. Свет лампы, стоявшей перед ним, отбрасывал от него на стену тень, которая напоминала чудовищного подземного тролля. Когда мы с кузнецом приветствовали друг друга, человек-куб начал поворачиваться от стола, и я невольно подумал, что хорошо, что я с ним не знаком, и что не придётся с таким медведищем обниматься.

– Получил твоё письмо, – сказал я кузнецу. – Не взыщи, что не заглянул к тебе сразу, когда вернулся из плавания. Было столько забот... Сейчас расскажу.

– Это не я отправил тебе письмо, – сказал вдруг кузнец.

– А кто же? – удивлённо спросил я у него.

– Это я, мистер Том, – сказал человек-куб и его голос заставил меня вздрогнуть и замереть.

– Бэнсон!.. – прошептал я, не веря своим глазам.

– Здравствуйте, мистер Том, – сказал он, приближаясь ко мне.

Не совсем и Бэнсон. Очень взрослый, с «каменным» лицом человек. Такие лица встречаются иногда у людей, которым выпало повидать и пережить столько, сколько обычному человеку хватило бы на несколько жизней.

У меня не было сил ни радоваться, ни удивляться. Огромное облегчение, испытанное мною в тот миг, лишило меня каких-либо сил. Я опустился на стоявшую возле стенки скамью.

– Мы получили известие, что ты умер, – произнёс я, едва выговаривая слова.

– Это правда, – вдруг сказал Бэнсон. – Я умер.

– Ты это о чём?..

– Я, мистер Том, ввязался в драку, из которой живым мне не выйти.

– Бэнсон! – с недоумением уставился я на него. – Но почему ты не сообщил? «Дукат» стоит в бухте! На нём команда – семьдесят человек, и каких! Есть свободные деньги – мы можем нанять целую армию! Как это – «не выйти живым из драки»?

– Всё не так просто, мистер Том. Речь идёт не об обычной схватке с обычным противником. Эти люди – они есть, – но в то же время их как бы и нет. Они – ловкие, умелые, скачущие с места на место, жестокие невидимки. И те, кто их содержит – действительно могут пользоваться английской армией. В одной из схваток я потерял учителя, и теперь мои шансы уцелеть – ничтожно малы. Мой

«последний» поход – дело ближайшего времени. Я поэтому заранее попрощался с Алис и с вами.

Он легко развернул своё массивное тело, шагнул назад, к столу, придвинул скамью и сел.

– Но, Бэнсон, – с лихорадочной поспешностью осмысливая услышанное, произнёс я. – Разве ты рождён, чтобы быть охотником на невидимок? Разве обучен? Ты – добряк с душой ребёнка. И если тебе попался такой противник, каким ты его рисуешь, то не лучше ли тебе оставить эту войну тем, кто умеет воевать по-настоящему? Иди домой. У тебя дома жена, на которой лежит неимоверное горе. Сын, которого надо вырастить. Если эти, как ты написал, «охотники за черепами» настолько страшны, – предоставь их естественному ходу событий и королевскому прокурору! Едем домой, – к Алис, к Томику!

Бэнсон покачал головой.

– Мне показывали дом Хосе, – сказал он.

– Ты был в Адоре?! – от изумления я даже привстал.

– Был, – сказал он, как будто о каком-то заурядном событии. – Так вот представьте, мистер Том, что у вас имелась возможность сбежать с плантации Жабы. Ну и что? Как бы вы смогли дальше жить, зная, что Хосе каждый день рубит живых людей и скармливает их собакам? Вот, вы встретили страшное существо – и сделали, что смогли. Сейчас я делаю то, что могу.

Мы замолчали. Кузнец глухо кашлянул, напоминая о себе. Сказал:

– За Бэнсоном скоро приедут. Давайте-ка – за стол. – И, приготавливая скорый ужин, покашливая, бормотал: – Смотри, какие страшные дела творятся. Придётся пить и за встречу, и за прощание. Для чего мальчишкам такая беда?

Обратившись к уже привычному ритуалу, мы выпили пива, стали резать окорок и колбасы. Я лихорадочно искал выход из дикой, невыносимой ситуации. Снова спросил Бэнсона:

– Если за тобой должен кто-то заехать – значит, ты воюешь не в одиночку?

Бэнсон кивнул.

– А те, с кем ты в компании, заодно, – они знают, что у тебя в Бристоле жена и маленький сын?

Бэнсон, как ни странно, вдруг улыбнулся, отчего круглый пулевой шрам на его щеке взялся морщинами.

– Мистер Том, – сказал он, – помните ночь на моле в Мадрасе? Когда мы встретились с шайкой Регента? Представьте, что в самый разгар схватки мистер Стоун, например, вдруг сказал бы: «ну вы тут, братцы, выкручивайтесь, а у меня жена и сын в Бристоле».

Я отодвинул пиво, положил руки на стол. Посмотрел Бэнсону в глаза:

– Но хоть какую-то помощь я могу тебе оказать?

– Для этого и приехал, – кивнул он головой в дурацком пёстром платке. – Нужно на время спрятать... – он на миг замялся, – ...людей.

– Каких и сколько? – с готовностью спросил я.

Кузнец положил тяжёлую руку мне на плечо:

– Идём, Томас. Покажу, каких.

Он зажёл ещё одну лампу и мы прошли в спальную комнату. Отворив дверь, он пропустил меня вперёд. Я сделал шаг – и тут же попятился. На полу, занимая всё пространство, на толстом ковре из свежей соломы лежали дети. Их было несколько десятков человек – разных возрастов, – и в одеждах самых немыслимых.

– Кто это? – шёпотом спросил я.

Кузнец ответил, только когда мы вернулись в кухню-столовую:

– Плимутские карманники и попрошайки...

– Так называемая «семья», – добавил Бэнсон. – Тридцать два человечка. Принц Сова остался в их «логове» караулить компракчиков. А я вспомнил про вас, мистер Том, и заверил своих, что смогу передать детей на необходимое время в надёжные руки. Их надо кормить, и я привёз деньги...

– Какие деньги! – махнул я рукой. – Буду кормить, сколько потребуется! – И, не удержавшись, спросил: – А кто такие принц Сова и компракчики?

– Компракчики – торговцы детьми. Принц Сова – как бы сказать... ночной охотник. Когда они встретятся, компракчиков больше не будет, а принц Сова, быть может, заедет к вам за детьми. Можно найти, мистер Том, для них надёжное место?

– Есть! – сказал я торопливо, – есть такое место! Мой замок! Там сейчас тепло, есть еда – и предостаточно места. Да и охрана... Робертсона с Готлибом помнишь?

– Какой такой замок? – кузнец вскинул лохматые брови.

– Я только что купил имение «Шервуд». Там есть вполне пригодный для жилья замок...

В это время за стеной послышался топот копыт нескольких лошадей.

– Мы сейчас, – сказал кузнец, набрасывая на себя тулуп, – и вышел.

Вышел и Бэнсон, в куртке с медвежьими рукавами и в пиратском платке. Кивнул мне в дверях, давая понять, что они ненадолго.

Я допил пиво, поставил кружку на стол. Вдруг увидел в углу до боли знакомый предмет! Там, в тени, стоял треугольный арбалетный футляр. Встав, я подошёл и взял его в руки. «Где же ты побывал, старина?» И вдруг взгляд мой упал на тёмную «оспинку» на полированной дубовой поверхности. Это был след от удара

ножом. След «сказал» мне, что удар был отменно сильным, а нож – остро заточенным.

За спиной слышался шорох. Я стремительно обернулся...

В дверях стояла девочка лет пяти, худенькая, с личиком «ясным», но чумазым и заспанным. Она стояла на одной ножке. Вместо второй в пол упирался удерживаемый ею подмышкой маленький костылёк. Конец его был закрыт толстым тряпичным коконом.

– Ты кто? – шёпотом спросила девочка.

– Человек, – так же шёпотом ответил я и поставил футляр назад в угол.

– Бить будешь? – спросила девочка.

– Нет, – ужаснувшись вопросу, ответил я и добавил: – Могу дать поесть.

– Меня зовут Ксанфия, – сказала малышка, ковыляя к столу.

Дойдя до него, она задрала голову вверх, так что её подбородочек стал вровень с краем столешницы.

– Ходишь так, что вовсе не слышно, – сказал я, глядя на костылёк и на кокон.

– Это мне Милый Слик сделал, – сказала моя маленькая собеседница, – чтобы тихо подкрадываться.

– Куда подкрадываться? – спросил я с некоторым недоумением.

– Ну, так, – неопределённо ответила девочка.

Она высмотрела на столе всё, что ей было нужно, влезла на лавку и вытянула пальчик по направлению к хлебу. Я торопливо подал. Машинально уставился на её торчащую за край лавки маленькую культю.

– Это мне давно сделали, – пояснила девочка, откусывая от хлеба кусочек.

– «Сделали»? – переспросил я.

– Да. Пилочкой отпилили.

– Отпилили?

– Ну да. Завязали туго так, и долго держали. Потом пилочкой отпилили.

– Ты что же, видела?

– Видела. Синяя ножка была, потом так красным, красным. Я потом сразу уснула. Сон был очень больной, и всё было долго.

– А кто отпилил?

– Не знаю. Они были взрослые.

– Но для чего?

– Так калекам ведь дают денег побольше. Ты что, не знаешь?

– А... когда это было?

– Давно, – сказала девочка и вытянула пальчик к окороку. Лицо её выразило ожидание и вопрос.

Я поспешно нарезал окорок тонкими ломтиками, сложил в блюдце, подвинул поближе.

– А потом, когда съем, бить не будешь? – снова спросила ночная гостья.

Горький ком подкатил к моему горлу. Я торопливо мотнул головой. Тогда маленькие цепкие ручонки схватили окорок и стали торопливо совать то в рот, то в кармашек.

За дверью послышался скрип снега под чьими-то тяжёлыми шагами. Девочка перестала жевать, замерла, втянула голову в плечики. В дверь вошёл Бэнсон. Моя собеседница торопливо сползла со скамьи, подхватила свой костылёк и припустила, подскакивая, к Носорогу. Лицо её озарила улыбка. Бэнсон, наклонившись, подхватил её, посадил на сгиб локтя и тихо спросил:

– Что ж ты не спишь, Ксанфия?

С торжеством на лице девочка достала из кармашка обрезок окорока и, показав его Бэнсону, снова спрятала. Он улыбнулся. Переведя взгляд на меня, негромко спросил:

– Мы сможем поехать в ваш замок прямо сейчас?

– Конечно, – сказал я, с трудом приходя в себя от только что слышанного.

– Лучше уехать ночью, пояснил Бэнсон. – Пять карет подогнали, с тёплыми пологами. Нужно быстро вынести детей. Они очень устали, так что мало кто из них проснётся...

Через полчаса свежие кони влекли пять тяжёлых экипажей сквозь Бристоль – не заезжая в мой дом – в «Шервуд», где остались Носатый и Тай. Я сидел на передних козлах – указывал дорогу молчаливому, в длинном тулупе, вознице. Рядом, накрыв ноги пологом, сидел Бэнсон.

– Ты говорил, – перекрикивая стук копыт и шорох колёс, – сказал я Бэнсону, что потерял учителя? Кто это был и что случилось?

– Долгая история, мистер Том. Он гнался за хозяевами Регента, а я попался им на пути. Чудом жив остался. Учитель меня выходил, – меня и ещё маленького Симеона, – ему руку к дереву прикололи. Потом были в Плимуте, затем в Адоре, потом в Турции, снова в Плимуте... Потом он умер. Выманил из подземелья Люпуса с его личной охраной, и вместе с собой всех взорвал.

– А кто это был? – спросил я, замерев от внезапного тягостного предчувствия.

– Тот, кто прыгнул со стены, мистер Том. Ночной крысолов. Мастер Альба.

Глава 2

Песчаные саламандры

Известие ошеломило меня. Человек, спасший нас от верной смерти в Мадрасе, был в такой близости от моего дома, что с ним можно было встретиться и поговорить! Нет, это нужно постараться представить – «иметь возможность встретиться с мастером Альбой!» Он шёл по нашему пути – в Адор, затем ко дворцу Аббасидов в Багдаде. Преодолевал немыслимые препятствия, встающие на пути. И вот – он погиб. И мой бедный Бэнсон во всём этом участвовал!

Я слушал долгий рассказ строгого, повзрослевшего друга – сначала в дороге, затем – в своём замке, и меня переполнял странный сплав ужаса и восторга.

Бэнсон уехал через два дня, потребовав от меня немыслимой, страшной услуги: моего слова, что я не сообщу Алис о том, что он жив.

Рекрут

Ранним осенним утром, (ещё не совсем, впрочем, стылым), не очень далеко Лондона, в своей большой, в четыре этажа, вилле из серого камня, похожей скорее на крепость или тюрьму, на необъятной, обтянутой малиновым шёлком постели, откинув в сторону руку и задев малиновый же полог, который прозвенел нашитыми на него бубенчиками, слегка вздрогнув, очнулся от сна человек.

Он знал за собой это свойство – беспокойно метаться во сне при наступлении утра, и придуманные им колокольчики исправно будили его – для кофе, листа свежих биржевых ведомостей и моциона. Была ещё одна польза от этого серебряного динь-дилинь: оно не давало хозяину виллы продолжать метания, неуклонно сползая в состояние полунебытия, где он с предельным ужасом и отчаянием, на «ватных», непослушных ногах убегал от проворных чудовищ –

сосредоточенных, кровожадных. Они настигали его – и тогда тело его гнулось в дугу, вздрагивая в длинной, рвущей плоть судороге, а сердце лопалось, как яблоко, попавшее под колёса телеги. Это призрачное мучение каждый раз было платой за пробуждение и спасение от чудовищ, – но платой, с которой хозяин виллы не был согласен. Отсюда – и колокольчики. Но спасали они лишь в том случае, если придумавший их не набирался накануне неразбавленного виски.

В этот день было всё хорошо. Хозяин сел в постели. Сейчас его можно было бы рассмотреть и дать относительно верное описание. Однако описывать, – слово джентльмена, – было нечего. Средний рост, возраст – сорок, умеренное пузцо, небольшая плешь на макушке. Лицо – самое заурядное. В зависимости от одежды такой человек мог без каких-либо усилий перемениться и в конюха, и в нотариуса, и в лекаря, и в преподавателя арифметики, и в лакея, и в короля. Однако владелец серокаменной виллы не был ни первым, ни вторым, ни пятым. Я не стану приводить здесь ни его титула, ни должности при Дворе: слишком просто будет угадать, а это по нескольким соображениям крайне нежелательно.

Человек сел, свесив ноги. Почесал в вороте голландской рубахи волосатую грудь. Улыбнулся.

– Пятница, утро! – сообщил он сам себе. – Значит, пора ехать в Плимут.

Встав с постели, он подошёл к небольшой двери из толстых дубовых плах, стянутых болтами и, повернув ключ, отпер замок. Тотчас спальня и примыкающие к ней помещения наполнились мельканием суетливых, бесшумно порхающих слуг.

Выпив крепкого кофе из старинного китайского керамического фиала и пробежав глазами биржевой листок, хозяин виллы приступил к моциону. Он облачился в полосатое, с длинными рукавами и короткими штанинами гимнастическое трико и выбежал в пустынную, длинную, вытянутую в струнку букovou аллею. На ногах его, как ни странно, были заурядные матросские полотняные тапочки. Обязательно нужно отметить, что бегун в трико только на вид был плешивым и толстым. Двигался он легко и проворно, – то припуская что было сил, то замедляясь и подбрасывая колени к самой груди; бежал и боком вразножку, и прыгая вверх до возможной высоты, и спиной вперёд, и в полуприсяде. Если бы кто-то бежал следом – он сразу бы понял, что плешивый бегун весьма заботится о здоровье. Но только понял бы – и всё, а не заметил бы главного: слева и справа аллеи, невидимые за деревьями и кустами, не отставая

от человека в трико, бегут ещё люди – добрый десяток, и почти все – с оружием. В мягкой обуви, без шумного дыхания, синхронно с хозяином то замедляя бег, то ускоряя.

Моцион завершился обтиранием тела куском «плачущего» льда.

После моциона человек завтракал. Глубокая миска клейкой овсянки, большой кналлер и стакан горячего молока. Позавтракав, наш знакомец двинулся в путь. Сначала от виллы на проезжую большую дорогу вынеслась кавалькада из шести всадников, затем – кортеж из трёх разновеликих карет: передняя – лёгкая прогулочная, с парой стрелков и дорожным припасом, вторая – с хозяином (он внутри – в одиночестве, в довольно просторном чреве с мягкими стенками, обложенными малиновой кожей; дверцы – заперты на замки), – и в третьей, длинной, похожей на фаэтон – тот самый десяток вооружённых сопровождающих.

Путешествие происходило привычным для всех образом: маршрут знаком до подробностей, да и всё остальное – далеко не в первый раз. Случайность объявилась у самого Плимута. Дорога здесь выгибалась, уходя дальше на гору – в петлю, и хозяин видел всё происшедшее от первой до последней секунды. По краю дороги, также по направлению к Плимуту, двигался высокого роста путник. За ним, ведомые в поводу, шли две лошади. Передний всадник из кавалькады, поравнявшись с ним, что-то крикнул – очевидно, потребовал, чтобы тот сошёл с дороги. Видимо, предводитель кавалькады желал исключить любую возможность помехи для едущих следом карет. Но, на беспристрастный взгляд, путник мог и не уходить: дорога была достаточно широкой. Не мудрено, что путник, понимая это, не обратил на окрик ни какого внимания. Скорее с досады, а не со злости, предводитель кавалькады, перегнувшись, «ужалил» невозмутимого наглеца длинной плетью, – а точнее сказать, – попытался, так как тот, вдруг проворно и гибко качнувшись, поймал плетённый в грань кожаный хлыст и, зажав его во внушительном кулаке, резко дёрнул. Короткая деревянная рукоять плети была снабжена петлёй, надеваемой на запястье, так что после рывка незнакомца всадник с выдернутым из плеча суставом вылетел из седла. Он упал на голову – послышался хруст – и тело его замерло неподвижно. Повинуясь инстинкту, оставшиеся пятеро, изыскрив воздух посверком выхватываемых шпаг, пошли на обречённого одиночку плотным кольцом, и наш толстяк, высовывающийся в окошко кареты, не успев крикнуть команды, увидел, как случилось немыслимое: каким-то хитрым финтом незнакомец толкнул ближнюю к нему лошадь, и она вместе со всадником

грохнулась на бок, придавив седока, и конечно же, преломив тому ногу. А встреченный ими путник, двигаясь на удивление легко для своего массивного тела, подскочил к одному из поверженных, затем ко второму, наклонился, выпрямился – и в руке у него блеснули две шпаги. Взяв одну в левую руку, он несильно, и даже как-то небрежно махнул – и ещё один всадник слетел на землю, – уже откровенно убитый: клинок шпаги пронзил его насквозь, – и потом обороняющийся махнул ещё раз. За какие-то полминуты из шести человек конной охраны в сёдлах остались лишь двое, и те поспешно настёгивали лошадей, отходя на дистанцию. А страшный «попутчик», опустив тяжёлые руки вдоль тела, неторопливо пошёл к каретам, передняя из которых остановилась, доехав до растянувшегося на земле одного из своих.

Бэнсон не знал, сколько людей следует в случайном кортеже, и не пытался их сосчитать. Ему предложили схватку – и он просто «работал».

Из прогулочной каретки выскочил один из стрелков. Повернув короткую аркебузу стволом в сторону приближающегося к нему незнакомца, стал торопливо насыпать порох на полку – и не успел. Громила вырвал у него оружие и, развернувшись, ударил кулаком в середину груди.

В удар Бэнсон вложил не только вес и мощь тела. В этот миг выплеснулись накопившиеся за дорогу от монастыря «Девять звёзд» и его гнев, и отчаяние, и горечь утраты. Аркебузник, подброшенный в воздух, ударил спиной в дверцу кареты – и, проломив её, в ней застрял. В окошко рядом с его бессильно свесившейся на грудь головой высунулся было ствол второй аркебузы, но громила не мешкал. Подхватив карету за край он приподнял её – и опрокинул. Завалившись набок, карета беспомощно задрала к небу медленно вращающееся колесо.

На секунду все, видевшие это, оцепенели. Затем послышался топот и звон оружия подбегающего десятка охраны. И тут хозяин кортежа высунулся из окна кареты почти по пояс и громко крикнул. Передние остановились, но задние продолжили бег, и тогда их повелитель крикнул ещё раз:

– Всем стоять!

Охранники послушно остановилась, во все глаза глядя на чудовищного убийцу, который приближался к ним размеренно и проворно, и с каким-то

нечеловеческим, безумным спокойствием. Во все глаза смотрел на него и плешивый толстяк. По пояс высунувшись из окна кареты, он прокричал:

– То, что ты сделал – справедливо и честно! Но теперь – остановись! Хватит крови. Я хочу познакомиться.

Убийца приблизился, кивнув на ходу. Сел на ступеньку кареты (она скрипнула и покосилась). Негромко сказал:

– Интересно, есть поблизости ручей или речка? У меня лошади с ночи не поены.

– Позади, в миле примерно, был ручей, – ответил ему сверху, из окна, взволнованный собеседник. – Но с дороги не виден. Ты проехал его. Теперь напоить лошадей можно лишь в Плимуте. Ты едешь туда?

Незнакомец кивнул массивной, с двумя макушками, головой.

– Ты где-то служишь, или наёмник, или чей-то вассал? – продолжал интересоваться сидящий в карете.

– Я вольный, – ответил путник, глядя в глубокое осеннее небо. – Был в обучении у мастера. Теперь – один.

– Мастера – чего?

Сидящий на ступеньке перевёл взгляд на вращающееся колесо лежащей на боку кареты и ничего не сказал.

– Я участник одного общества в Плимуте, – понизив голос, сообщил сидящий в карете, – не состоять в котором я не могу, но и состоять в котором – довольно опасно. Мне нужен телохранитель. Моему ты только что шею сломал. Назови цену или условия...

Если бы говорящий это смотрел собеседнику не в макушки, он, быть может, заметил бы движение на его лице, тень тайной мысли, случившееся при упоминании об «одном обществе» в Плимуте. Но тень прошла незамеченной, и сидящий на ступеньке ровным голосом произнёс:

- Работа – знакома. Твоё поведение – благорасполагает. Служить тебе – соглашусь. Ты только иногда отпускай меня, ни о чём не спрашивая. Время от времени мне нужно человеческой крови попить.
- Назови... – голос нанимателя задрожал от радостного волнения, – ... цену!
- В деньгах не нуждаюсь, – сказал рекрутируемый головорез. – Покровительство от полиции, стол, и – время от времени – крови.
- Можешь приступить прямо сейчас?
- Могу. Пусть твои люди здесь приберут. Лошадей моих к задней карете привяжут. А я переднюю подниму, да в ней лягу-ка спать. Основная работа, как я понимаю, начнётся в Плимуте?
- Правильно понимаешь, – одобрительно кивнул наниматель, и крикнул своим: – Это – мой новый телохранитель! Возьмите его лошадей! Быстро прибрать здесь – и в путь. Ничего не было!

Не прошло и пяти минут, как кортеж уехал со страшного места. О происшедшем могли бы рассказать лишь небольшие лужицы крови, если бы они не были старательно присыпаны дорожным песком.

Стрит-флэш

Целью визита лондонского вельможи был не сам Плимут, а небольшое, скрытое за несколькими высаженными в ровные каре рощами поместье. В центре этих каре высился едва наметившийся круглый холм, на котором стоял сказочный замок. (Здесь нет художественного преувеличения, – он был действительно сказочным: множество башен и башенок, – и с плоскими зубчатыми верхушками, и с крышами в виде острых конусов; каменные лесенки, бегущие вверх по спиралям, огибающим округлые каменные бока; горбатые мостики, балконы, балкончики, порталы и переходы, множество окон – стрельчатых, округлых, со ставнями и без них, – на много веков запечатлённая безвестным теперь зодчим причудливая каменная паутина, – смесь романтики, фантазии и мастерства.)

К замку прибыли ранним вечером. Кареты въехали на широкое кольцо газона у подножья холма и остановились. Долго стояли в молчании и неподвижности, дожидаясь какого-то урочного часа. Бэнсон сидел в карете со своим новым хозяином. Тот сказал ему, когда подъехали к Плимуту:

– Ничего объяснять и рассказывать не буду. Ценно то, что глаз у тебя будет «свежий». Присмотрись и определи, откуда мне могла бы грозить опасность. Хотя обычно всё проходит спокойно. А завтра днём всё обсудим в подробностях.

Бэнсон кивнул, давая понять, что понял, и дальше просто сидели, молчали.

С разных сторон на круг выезжали кареты; останавливались поодаль и тоже ждали. Наконец стемнело. Из карет стали выходить люди. Они шли к замку – от каждой кареты по два человека.

– В каждой паре, – пояснил Бэнсону плешивый толстяк, – один – из общества «серьёзных людей», второй – телохранитель. Видишь, телохранители несут сундучки? Довольно тяжёлые. Там – деньги. И кроме сундучка телохранитель не должен иметь ничего. Это строгое правило: никакого оружия. Внутри всем придётся раздеться по пояс, так что ты тоже оставь здесь, на сиденье все, какие имеешь, ножи или пистолеты.

Кучера и охрана кортежей уводили в рощи экипажи и лошадей. Хозяин Бэнсона не спешил, давая ему рассмотреть, как всё происходит. Наконец, пошли и они.

(Первая странность, замеченная Бэнсоном, неприятно его уколола: в замок входили гости, и, разумеется, были в нём и хозяева, – но ни одно окно не осветилось огнём, все они оставались непроницаемо чёрными. Трудно отсмотреть и запечатлеть в памяти устройство дома и расположение комнат. Да ещё если был бы обычный дом! Нет, здесь – целый город. Не запомнить и за неделю. Однако Бэнсон старательно, пока смеркалось, смотрел и запоминал, – хотя бы то, что можно было успеть запомнить.)

Темно было и за дверью. Но, когда миновали короткий тамбур и открыли главную дверь, слепящий свет прыгнул на Бэнсона с потолка и со стен.

– А вот и Дюк! – закричал какой-то весёлый и развязный человек (похоже, он был слегка пьян), направляясь к Бэнсону и его спутнику. – Здравствуй, Дюк!

– Пошёл к чёрту, Базилло, – демонстративно неуважительно откликнулся на приветствие спутник Бэнсона, сбрасывая, однако, на руки пьяненькому весельчаку свой длинный дорожный плащ.

Базилло, как ни странно, не обиделся и даже не смутился. Подхватив плащ, он проворно накинул его на один из стоящих в ряд у стены манекенов. Потом заторопился к следующей входящей в холл паре.

– А вот и Горбун! – весело крикнул он, – привет, Горбун! – и Бэнсон услышал раздавшийся за спиной хрипловатый, с подвизгом, голос:

– Пошёл к чёрту, Базилло!

Проворно и лихо поспешающий «к чёрту» слуга метнулся к манекенам, и ещё пара их накрылась дорожной одеждой – широким, но коротеньким, почти детским плащём и затейливым, плотным, с ремнями и клапанами рединготом, а безголовые шеи манекенов накрылись шляпами. Мимо действительно прошествовал невеликого роста горбун и сопровождающий его, с суровостью на лице и выпяченной грудью телохранитель. Очевидно, под рединготом у него из всей корпусной одежды имелись лишь два широкие кожаные ремня, которые сейчас пересекались на груди косым длинным крестом. Да и все остальные вошедшие с приехавшими гостями телохранители под плащами были до пояса обнажены. Они выставляли на общее обозрение могучие мышцы и следы былых схваток.

– А ты, новичок, что стоишь? – услышал возле себя Бэнсон и, повернув голову, увидел Базилло, протягивающего руку за его курткой.

Всё оружие, по требованию хозяина, Бэнсон оставил в карете, и сейчас снял куртку легко и быстро, не опасаясь, что выпадут из-за пояса пистолеты или острая, весьма неудобная для ношения альбова Кобра. Базилло выхватил куртку, укрыл ею очередной манекен и, когда повернулся обратно, лицом к гостям – замер: оставшийся одетым в тонкую вязанную блузу Бэнсон протягивал ему полусоверен[3 - Ползолотого]. Рот слуги дрогнул, теряя беззаботную и хмельную улыбку. Он в полупоклоне принял в неуверенно протянутую руку монету и

негромко сказал:

– Это впервые за двадцать лет...

Бэнсон вдруг остро почувствовал направленные на них взгляды и, повинувшись наитию, равнодушно промолвил:

– Это ничего не значит. Если хозяин прикажет – я убью тебя в две секунды.

Базилло, прижав руку с монетой к груди, обретая временно сброшенную напускную весёлость, сказал:

– Это мы понимаем. Это вполне уважительно...

А Бэнсон понял, что угадал и что поступил правильно: стекало напряжение с лиц, и взгляды отчётливо помягчели. Дюк кому-то довольно и многозначительно закивал. На том бы инициация[4 - Инициация – в некоторых культурах обряд посвящения, – или в воины, или в члены племени, или в касту жрецов.]новичка и закончилась, но один из присутствующих подтолкнул дело дальше. Окрестованный толстыми, свиной кожи ремнями телохранитель горбуна насмешливо и довольно громко спросил:

– Может, ты и меня убьёшь в две секунды?

Не помедлив ни мига, Бэнсон поймал взгляд Дюка и спокойно спросил:

– Можно?

В невыразимо бесстрастном и уверенном голосе его были опыт и кровь. Повеяло могильным холодом. Торопливо отступил в сторону Базилло. Надсадно кашлянул, вскинув носатое личико, горбун. Смутная тень мелькнула в глазах ремненосца. Дюк торопливо проговорил:

– Ни в коем случае! В этот дом съезжаются только друзья, и здесь место беззаботности и покоя.

Бэнсон кивнул, подошёл и встал рядом с хозяином.

– Прошу прощения, – услышался голос со стороны, – я просто любопытствую, – а вы действительно могли бы убить этого человека за две секунды?

Бэнсон посмотрел на Дюка вопрошающе, и тот со значением прикрыл глаза: «можешь ответить».

– Ну, не за две, – сказал рассудительно Бэнсон, отправив взгляд в крестовую грудь, – а за пять... или шесть.

– А почему вы настолько уверены? – спросил тот же голос.

– Это же видно. В серьёзном деле человек этот слаб. Поскольку знания об убийствах имеет поверхностные. Внутри, про себя, понимает, что слаб. Отсюда видно, – как он себя поведёт, если напасть на него – и видно, как этим воспользоваться. Секунд пять... или шесть.

В холле воцарилась недолгая, но глубокая тишина.

– Но как вы определили, что слаб? И что знает поверхностно?

Бэнсон выдержал паузу, притягивая к себе всеобщее, пристальное внимание, и ответил коротко и убеждённо:

– Без нужды дразнит смерть.

Затем шагнул вперёд, в сторону горбуна, неглубоко поклонился и добавил:

– Всё сказанное мною нельзя рассматривать как неуважение лично к вам.

– Невиданно! – воскликнул кто-то из ранее прибывших гостей. – Честное слово, джентльмены, я готов аплодировать!

Дюк просиял.

– Дюк! – спросили его. – Откуда у тебя этот новичок?

– На дороге нашёл, – не соврал Дюк, но вызвал смех, как над шуткой.

В это время раздался звук скрытого гонга, как будто ударили в медный поднос размером с мельничное колесо, и тяжёлая, зелёная с жёлтым бархатная портьера в глубине холла стала разъезжаться на две стороны. За ней открылась уходящая вверх, на второй этаж, блистающая белым мрамором лестница с зелёным, по всей длине, и с золотой каймою, ковром. Лестница была освещена двумя рядами часто выставленных светильников.

– Джентльмены! – торжественно крикнул командир манекенов. – Пора!

Все повернули головы в его сторону, и он, отставив ногу и вытянув руку в сторону лестницы, с пафосом вымолвил заключительное:

– За удачей!

– Иди к чёрту, Базилло!! – хором сказали присутствующие и потянулись вверх по золото-бело-зелёным ступеням.

Двинулся не отстающий от Дюка и Бэнсон.

Лестница лишь в начале была широкой, парадной. Дальше она то сужалась, то вновь расширялась, то металась в стороны, то карабкалась вверх, то ускользала вниз на десятки ступеней. На каждом повороте и закоулке стоял неподвижный слуга в зелёной ливрее с золочёными пуговицами.

И вот пришли, как понял Бэнсон, к конечной цели: небольшой комнате, обставленной с неопишуемой роскошью. С потолка, по углам, свисали четыре серебряных канделябра, в каждом из которых горело по два, примерно, десятка свечей. Вдоль стен стояли малахитовые диваны, камень которых на сиденьях и спинках закрывали мягкие толстые набивки, обтянутые малиновой кожей. В центре комнаты находился серебряный круглый бассейн с грифоном, изо рта-клюва которого струился тёмно-рубиновый ручеёк. Вокруг бассейна, обручем, расположился стол из зелёного же малахита, в поверхность которого было врезано широкое цельнолитое золотое кольцо. Его чарующий, жаркий, пугающий блеск затеняли расставленные прямо по золоту фарфоровые чёрные чарки, перемежаемые раскрытыми табакерками с разными сортами табаку и фарфоровыми же овальными блюдами с привезёнными из колоний Новой Англии

сигарами.

Все телохранители заученно отошли к одной из стен и расселись на малиновые сиденья. Гости же отправились к другой стене (кто-то взял чарку, зачерпнул ею из бассейна и, выпив, сказал: «о, сегодня бургундское!»), и вдруг – Бэнсон стоял у входа и смотрел – стали снимать одежды и сбрасывать их на диваны. Когда на малиновые сиденья легли нательные, голландские дорогие рубахи, гости сняли и обувь. И затем, забрав у телохранителей сундучки, под их весом покривившись и тяжело ступая, прошли к действительно конечной цели затейливого вояжа: в открывшуюся за отъехавшей в сторону дверью соседнюю комнату.

И Бэнсон сделал себе по достоинству оценённый им только впоследствии подарок: ввалился вслед за Дюком в эту же комнату. В компании телохранителей кто-то охнул, – на Бэнсона оглянулись, – и вдруг кто-то из гостей рассмеялся:

– Новичок! Ну, пусть осмотрится на первый раз, а, джентльмены?

– Какой преданный! – так же со смехом вторили ему. – Ну, думаю, пусть?

И ещё кто-то откликнулся:

– Да ладно. Только к столу чтобы не приближался!

Дюк обернулся, сказал:

– Возьми стул, сядь у стены за моей спиной, и исчезни.

Его охранник кивнул и сделал, как было сказано.

В этой комнате было разительно пусто. Только простой, из толстых дубовых плах, круглый стол и стулья вокруг него. («На столе как будто черти орехи кололи», – подумал Бэнсон, заметив и оценив состояние дубовой столешницы.) Больше, если не считать зелёной шёлковой драпировки на стенах и серебряных же канделябров, в ней ничего не было.

Когда обнажившиеся по пояс гости расселись за столом и положили на столешницу руки, вошёл, ковыляя, некто слепой. Непонятного возраста, с тёмными впадинами выколотых или выжженных глаз, в зелёной ливрее. В руках у него был ларец. Довольно уверенно дойдя до стола, он утвердил на краю его этот ларец и, раскрыв, стал из него что-то выбрасывать. Бэнсон всмотрелся: какие-то похожие на небольшие табакерки бумажные пачечки. Сидящие за столом потянулись и взяли себе по одной. После этого слепец собрал лишние пачечки обратно в ларец, а на стол выставил стеклянную колбу, которую перевернул – и быстро поднял. Под ней мелькнула и замерла маленькая ящерица жёлто-песочного цвета. Секунду помедлив, она текучей стрелой метнулась к краю стола и, прыгнув на пол, исчезла. Тот, мимо кого она пронеслась, радостно хохотнул и бросил на середину стола свой «табакерочный» свёрток.

– К удаче! – громко сказа он, на что горбун с досадою кашлянул, а слепец, собрав возвращённые ему пачечки, достал вовсе уж неуместные здесь предметы: молоток и длинный, в три грани кованный гвоздь. Бэнсон опытным взглядом приметил, что грани были остро наточены.

Тот же, мимо которого пробежала ящерица, снова взял в руки свёрток и, надорвав обёртку, обнажил новенькие, мелованного картона игральные карты. Наскоро стасовав, он выложил их в три ряда.

– Пятая! – крикнул горбун, и после этого все по очереди так же стали называть цифры.

«Счастливчик» брал указываемые карты и складывал их в стопку. Когда в его руки вернулась последняя, он передал стопку слепцу. Тот наощупь, над самым столом – чтобы никто не увидел картинку на нижней карте – старательно перетасовал. И затем всё повторилось: три ряда, цифры по очереди, и затем раздались голоса:

– Стасовано!

– Стасовано!..

И вдруг кто-то сказал:

– Ещё раз!

«Счастливчик» безропотно разложил по столу всю колоду и слепец снова, по указаниям в очередь, всю собрал. После этого уже все сказали «стасовано». И тогда слепец продвинул колоду в центр стола. Там, наставив гвоздь, несильно взмахивая молотком, пробил её насквозь и пришпилил к столешнице. И вдруг повисла мёртвая тишина! Её особенно подчёркивал шаркающий в отдалении шорох шагов удаляющегося слепого. У горбуна нервно дрожали длинные, суставчатые, похожие на паучьи, тонкие пальцы.

– Что же, – дребезжащим взволнованным голосом разбил тишину горбун. – Антэ[5 - Антэ- начальная, равная для всех участников ставка.] – по пять гиней?

И тотчас, как расколдованные, сидящие за столом зашевелились и завздохали. Застучали крышки стоящих у ног сундуков. На стол посыпалось золото. Когда звон монет прекратился, тот, вблизи которого пробежала ящерица, медленно протянул руку к колоде и, отслоив от неё верхнюю карту, потянул на себя, разрывая её от центра до края об одну из граней гвоздя. Остальные – по часовой стрелке – так же вытянули себе по одной карте. Так, в безмолвии, нарушаемом лишь шелестом учащённого дыхания, сидящие за столом набрали в цепкие руки по пять рваных карт. Всмотревшись в них, стали обмениваться короткими, но, очевидно, полными значения фразами:

– Играю.

– Мне – две (и, отложив поближе к золоту две свои карты, сказавший это протянул руку и оторвал две новые – на замену).

– Одну. (И оторвал одну.)

– Четыре. (Это Дюк.) «Ого!» – непроизвольно отреагировал кто-то.

– Пас.

– Пас.

– Играю.

Двое сказавших «пас» заученным, небрежным движением отодвинули свои карты и с интересом, и не без зависти посматривая на оставшихся игроков, стали переговариваться:

– Двое играют на своих![6 - Имелось в виду – на своих первоначальных пяти картах, без замены.] Похоже, и у одного, и у второго сильный приход.

– Мистер Крэк поменял лишь одну. Значит, в четырёх оставленных игра уже есть.

– Жирондон взял две. Тут – сомнительно...

– Нет, но Дюк! Он же никогда не рискует, а тут – сбросил четыре!

– Дюк, похоже, надеется на свой талисман.

– Это какой же?

– Да тот, что за его спиной сидит. Громила. Шрам на щеке – как будто от пули.

– Это не «Громила», – отозвался, не отрывая взгляда от карт, покрасневшийся Дюк. – Это «Змей».

– Прозвище построено на том, какой он коварный?

– Нет. На том, как он жалит.

– Жалом с ядом? – сыронизировал кто-то.

– Нет. Летучими шпагами.

Между тем взявшие себе дополнительные карты заплатили за них (холмик золота в центре стола увеличился), и, подняв лица, стали смотреть друг другу в глаза.

– Десять гиней! – прокричал горбун, двигая к золотой грудке со ставками невысокий столбик монет.

– Уравниваю и добавляю пять, – произнёс Жирондон.

– Уравниваю, – сказал Сонливец. – Обратите внимание – кладу пятнадцать.

– Уравниваю и добавляю десять! – с нервной, пульсирующей, и оттого дёргающей всё лицо улыбкой, проговорил Дюк. – Обратите внимание – кладу двадцать пять.

– Пас, – недовольно сказал последний и бросил карты, с тоской посмотрев на свою поставленную на кон горочку золота.

– О-хо!! – злорадно воскликнул Горбун. – Монтгомери сказал «пас»!

– Итак? – спросил Дюк, поочерёдно глядя на оставшихся троих соперников.

– Пас, – сказал Жирондон и отложил карты.

– Пас, – с усилием сглотнув, сказал и Сонливец.

– Уравниваю до двадцати пяти и вскрываю! – прошипел злорадно горбун.

Добавив денег, он с торжествующей улыбкой открыл карты.

– А! – А! – А! – с одобрением и в то же время многозначительно отреагировал один из выбывших в самом начале игроков. – Не зря мистер Крэк заменил только одну.

– Карэ! – сообщил победно горбун. – Заменяю одну, да и ту мог просто выбросить! Вот они, с самого начала пришли – все четыре!

На столе перед ним лежали четыре дамы, и отдельно – семёрка пик.

– Карэ, мистер Крэк, – произнёс Дюк, – это весомо. Только вы, вероятно, считаете, что если меняешь целых четыре карты – то неизменно приходит всякая подлая мелочь? Да, такая ко мне и пришла. Но как пришла, обратите внимание!

И Дюк, под хор стонов и восклицаний открыл «мелочь»: двойку, тройку, четвёрку, пятёрку – и туза. Даже неопытный в карточных играх Бэнсон сообразил, что это очень весомо, так как все карты были одной, помеченной красными сердечками, масти.

– Стрит-флэш! – отчаянно простонал горбун. – Мои деньги!!

– Успокойтесь, владелец «карэ»! – сказал покрасневшийся Дюк, сгребая со стола золото и сбрасывая его вниз, в свой сундук. – В любви повезёт.

– Как хорошо, что я поосторожничал! – вскричал Жирондон, переворачивая свои карты картинками вверх.

– О, фулл! – оживился Сонливец. – И у меня!

Он выложил свои карты рядом с картами Жирондона, и если у того было три короля и две десятки, то у Сонливца – три восьмёрки и два туза.

– Ну что же, – подвёл итог Жирондон. – Дюк взял восемьдесят восемь гиней. Ну, на то он и дюк[7 - Дюк – англ. – герцог.]. Мистер Крэк «продул» тридцать одну гиней, я – двадцать две, Сонливец – двадцать. Остальные – по пять. Ровная игра, джентльмены. Но обратите внимание, как пошла карта! Два фулла, каре и стрит-флэш – в один кон! Такое начало грозит эту ночь сделать памятной!

Игроки встали, вышли из-за стола и направились в соседнюю комнату, где находились их телохранители. Встав вокруг бассейна, зачерпнули и выпили терпко пахнущей рубиновой жидкости. Появился слепец и зашаркал в покинутое помещение. Когда компания в него вернулась, оно уже имело первоначальный вид.

– Однако, джентльмены, – заскрипел горбун, – это не очень-то честно!

– Что именно, мистер Крэк? – вежливо спросил Жирондон.

– Вот это! – горбун кивнул на прошедшего вслед за компанией Бэнсона.

– Дюков талисман? – удивился Жирондон. – Полно ребячиться, мистер Крэк. «Человек-талисман» – не боле, чем шутка.

– Нет, не это! – продолжал упрячиться Крэк. – Он в одежде! Мы все раздеты – чтобы никто не смог спрятать подменную карту в рукав или за ворот. Это – жёсткое правило, не так ли? А дюков телохранитель, присутствуя здесь, не раздет! – и вытянул палец к серой вязанной блузе.

– Довольно капризничать, мистер Крэк, – примирительно сказал Дюк. – Это сущий пустяк. – И, кивнув Бэнсону, добавил: – Сходи, Змей, разденься.

Бэнсон вышел в комнату с бассейном. Его встретили сдержанные усмешки остальных телохранителей: «выпроводили выскочку!» Но когда Бэнсон обнажился до пояса, лица наёмных бойцов вытянулись, а усмешки пропали. То же произошло и игроками, когда Бэнсон вернулся и сел на стул у стены, за спиной Дюка.

– Да-а, – протянул уважительно и восхищённо Сонливец. – Убедительно смотрит со шкуры Змея его жизненный опыт.

– Десятка два шрамов, – сосчитал Жирондон. – И все – мимо шуток! Откуда такой узор?

– Турецкие ятаганы, – сказал, поудобнее устраиваясь на стуле, Бэнсон. – Ещё – кинжал, копье и метательные ножи.

– На щеке – это пуля? – поинтересовался Монтгомери.

Бэнсон кивнул.

– А почему только на одной щеке? Ты её проглотил?

– Нет. Она не влетела, а вылетела. Выстрел был в лицо. Спереди-сбоку. А я в эту секунду кричал.

– А вот ятаганы – это ведь был не один человек? Так расписать – нужна не пара рук, и даже не две пары.

– Нас было трое против двух дюжин.

– Ого! И все трое живы?!

– Нет, не все. Урмуль погиб...

– А вот это клеймо на груди, что оно значит?

– Что я – раб валидэ-султан.

– Это ещё кто?

– Мать султана в Стамбуле.

– И ты действительно был там рабом?

– Нет. Это хитрость. «Охранная грамота» от янычар.

Тут Жирондон перевёл взгляд на Дюка и быстро проговорил:

– Продай мне его! За любые деньги!

– Нет, – покачал головой Дюк. – Невозможно.

– Даже за большие деньги?

– Ни за какие. Я не нанял его. Он сам решил поступить ко мне на работу. Нас случай свёл. Он не берёт ни жалования, ни награды. Только покровительство от полиции, стол... и отсутствие лишних вопросов.

– Слушай, Змей! – продолжал упорствовать Жирондон. – Переходи служить мне! Клянусь – не пожалеешь!

Бэнсон свёл брови. Спросил:

– У вас здесь, я вижу, весьма жёсткие правила? (Жирондон, взглянув на игровой стол, покивал.) Вот такие же жёсткие и у меня. И потом, уважаемый сэр, если вы берёте в высокодоверенные помощники человека, который с лёгкостью уходит от своего покровителя, то как вы можете быть уверены, что он с такой же лёгкостью не уйдёт однажды от вас?

Кто-то из присутствующих рассмеялся, кто-то одобрительно хлопнул в ладоши. Дюк сидел, расплывшись в неудержимой улыбке.

– Однако, к делу, джентльмены! – недовольно скрипнул горбун, указывая узловатым «паучьим» пальцем на стоящего поодаль в почтительном ожидании носителя ящерицы.

Блеф

Ящерица – такая же песочно-жёлтая, но с едва заметным зеленоватым отливом – пробежала между Монтгомери и Сонливцем.

– Пожалуй, спорно, – сказал Сонливец.

– Бросим монету, – пожал плечами Монтгомери. – Мой – аверс[8 - Аверс – лицевая, реверс – обратная стороны монеты.].

– Мой – реверс, – согласно кивнул Сонливец.

Бросили на стол монету, и она, покрутившись, легла аверсом вверх.

– Монтгомери – первое слово, – проскрипел слегка пьяный горбун.

Вновь под пристальными взглядами всех присутствующих были стасованы карты, и гвоздь пронзил и пришил колоду к столу. «Казалось бы – мелочь, – подумал Бэнсон, – а как надёжно. Такую карту не передёрнешь.»

– Антэ – по пять гиней? – поинтересовался Монтгомери.

– Пусть будет по пять, – согласно ответили ему сидящие за столом.

Застучали крышки денежных сундуков. Зазвенело на столешнице золото. Игроки отпилили себе по пять карт. Примолкли.

– Это закон! – с досадой проговорил Жирондон. – Если в первом кону всем пришла сильная карта, то в следующем – одни клочки... Пас! – и он бросил недалеко перед собой свои карты.

– Даже поменять не попробовал? – спросил его Сонливец. – Ведь пять гиней впустую теряешь...

– Менять уже поздно! – почти взвизгнул горбун. – Он сказал уже «пас»! Слово сказано!

– Я и не спорю, уважаемый Крэк, – примирительно-насмешливо произнёс Жирондон. – Я всегда помню, что говорю.

– Да, на клочках игры не сделаешь, – вздохнул Монтгомери и, откладывая карты, разочарованно выдавил: – пас.

– Пас, – не решился на игру и Дюк, не унявший ещё трепетной дрожи от недавней удачи. – Лучше пары[9 - Пара – две одинаковые карты, самая слабая комбинация в покере.] ничего в этом кону не придёт.

После замены карт «отдали» игру ещё двое. Теперь на деньги, внесённые в банк, претендовали лишь горбун Крэк и Сонливец. Если идти по часовой стрелке от Монтгомери, слово было за Сонливцем. Помедлив для важности, он сказал:

– Добавляю сорок пять гиней!

За столом раздались одобрительные восклицания, – впрочем, негромкие, вполне приличествующие светской компании.

– Ты блефуешь, – неуверенно проскрипел горбун, вонзившись взглядом в «рубашки» карт своего визави[10 - Vis-a-vis(франц.) – «тот, кто напротив».], как будто хотел сквозь картон рассмотреть их обратные стороны.

– Отчего же, мистер Крэк, – спокойно ответил Сонливец. – Я считаю, что у меня весьма хорошая карта.

– Ты блефуешь! – скрипнул зубами горбун и, положив карты на край стола, полез в свой сундук. – Уравниваю твои сорок пять и добавляю ещё сто!

– Тогда сто... и ещё сто.

– Тогда сто – и ещё двести!

– Очень хорошо, – так же положив карты на край, ответил Сонливец и открыл свой сундук. – Уравниваю ваши двести и добавляю... (Он выложил всё содержимое своего сундука) ... пять тысяч.

– Ка-ак!.. – поперхнулся горбун.

– Имею полное право. Вы сами, мистер Крэк, затащили меня на третий круг ставок, а они, как вы знаете, в третьем круге ограничения не имеют.

Крэк побледнел. Перегнувшись набок, склонился над своим сундуком. Его длинные подвижные пальцы стали метаться, судорожно передвигая внутри гулкового дубового чрева столбцы монет. Пересчитал. Выпрямился. Утрачивая бледность и стремительно багровея, сообщил:

– У меня... всего лишь три тысячи! Да я больше бы и не смог принести!

– Вы правила знаете, мистер Крэк, – жёстко произнёс в напряжённой тишине также побагровевший Сонливец. – Или уравнивайте мои пять тысяч, или говорите «пас».

– Но у меня... такая карта... джентльмены! – он поднял лицо, выпучив глаза, полные мольбы и страдания. – Не одолжит ли мне кто-нибудь из вас две тысячи двести гиней? А, мистер Дюк, мистер Монтгомери! Для вас это же ничтожная сумма! Как только вскроем карты, я немедленно верну, в ту же минуту!..

– Мы охотно ссудим вас средствами, мистер Крэк, – с достоинством заявил Монтгомери. – Но только после того, как вы закончите игру. Правила покера – тем более в нашем обществе – это больше, чем закон.

– Проклятье!! – завопил горбун. – Но у меня... – он открыл и выбросил перед собой карты, – флэш-рояль!

– О, какая редкая карта! – восхищённо произнёс кто-то.

На столе, открытый взглядам всех, лежал «королевский» флэш: крестовые туз, король, дама, валет и десятка.

– Но, мистер Крэк, если вы не в состоянии уравнивать мою ставку, – с нажимом в голосе выговорил Сонливец, – вы должны сказать пас!

– Ну пас!! пас!! пас!! – злобно взвизгнул горбун. – Открывайте, что у вас там?!

Сонливец перевернул карты – и все присутствующие застонали.

– Пара! – воскликнули два или три голоса.

– Пара!! – завопил, брызгая слюной, побледневший от злости горбун. – Несчастливая пара, он играл против меня парой, когда у меня флэш-рояль, и забрал мои деньги!!

– Это покер, мистер Крэк, – сказал с восхищением Жирондон, – и великое искусство блефа, которое показал сэр Сонливец. Выиграть с парой восьмёрок против королевского флэша – это достоинство. Редчайший случай. Спасибо, джентльмены, порадовали.

– И потом, мистер Крэк, – строго заметил Монтгомери. – Разве не вы сами распорядились этой игрой? Когда мистер Сонливец добавил сто гиней, вы могли

просто уравнивать их и открыть карты. Ваш флэш-рояль – против его пары! Это был бы удар. Но вы, уравнив, подняли ставку ещё на двести, и тем самым дали возможность мистеру Сонливцу в третий раз объявлять. А в этом случае – и вы это знаете – ограничений нет. Он, помня, что у вас в первом кону был проигрыш, рискнул: поставил всё, что у него было с собой. И у вас тривиально[11 - Тривиально – элементарно, предельно просто] не хватило денег. И пара взяла банк. Это покер!

Крэк сидел молча, уставив выпученные глазки на свой флэш-рояль и, приоткрыв рот, икал. А кто-то за столом, приветствуя блефовую игру и благодаря за острое зрелище, принялся негромко хлопать в ладоши. Сонливец переместил грудку золота со стола в свой сундук, и все задвигали стульями, вставая и направляясь к бассейну с вином.

– Может, не надо было отпускать в его адрес шуточки? – спросил, оглядываясь на застывшего в соседней комнате за столом горбуна, Жирондон. – Крэк – злопамятный.

– Разве кто-то отпускал в его адрес шуточки? – удивился Дюк.

– Да вот ты, например, – напомнил Жирондон. – Крэк – горбун, калека, уродец. А ты, забрав его тридцать гиней, сказал, что ему в любви повезёт.

– Полно тебе придумывать, Жирондон, – возразил, раскуривая сигару, Монтгомери. – Все знают, что у горбуна в имении целый гарем юных невольниц. Недавно он купил ещё четверых чернокожих малышей из Африки. У Крэка «любви» больше, чем у всех нас вместе взятых!

Присутствующие посмеялись, выпили по фиалу вина и вновь, притягиваемые цепкой невидимой паутиной, потянулись в комнату с дубовым круглым столом.

Покер

Дюк один кон пропустил. Он взял свой стул, сел рядом с Бэнсоном и, наблюдая за игроками, шёпотом рассказывал телохранителю о тонкостях и уловках игры.

Бэнсон слушал – без кивков и без восклицаний. Вдруг Дюк спросил:

– Так что, какой-либо опасности не заметил? Случайного взгляда в спину, или шёпота... Мои «друзья» – люди... необычные.

– Заметил, – вдруг прошептал Бэнсон, и Дюк вздрогнул.

– Что?! – прошипел он в самое ухо. – Говори, только тихо!

– Судя по манере общения, за столом – только гости. А хозяина замка здесь нет. Это так?

– Это так. Ну и что?

– Вы, конечно, платите ему аренду, но, судя по моему знакомству с Базилло, не так уж и много. Во всяком случае, арендная плата не соизмерима с теми деньгами, которые приезжают и уезжают в сундучках.

– И это так. И что?

– Я случайно увидел. Телохранители, когда остаются в соседней комнате, украдкой пьют из бассейна.

– Это известно. На это мы закрываем глаза.

– И хозяину замка это известно. Может случиться такое, что, дождавшись особенно крупной игры, он добавит яду в бассейн, дождётся, когда вы и телохранители, напившись, перестанете корчиться, соберёт ваши сундуки и уедет в Новую Англию?

– Может! – побледнев, посмотрел на него Дюк, и тут же усомнился: – Но тогда он теряет замок и землю! А начнёт заранее продавать – это долго и хлопотно, и очень скоро станет известно!

– Может и не продавать. Возьмёт под залог замка большую сумму у двоих-троих плимутских иудеев, – а это тайно и за один день.

– Так... что же делать? Нужно всех предупредить...

– Нет. Нужно промолчать и никогда не пить из бассейна.

– Верно, верно, верно, верно, – торопливо шептал посерьёзневший Дюк. – Вот что значит свежий глаз!

Между тем, игра завершилась. Соперничали Жирондон и Монтгомери. Вскрыли карты. У Жирондона на руках были три девятки и ничего не значащие дама и туз.

– Тройка в девятках! – сообщил Сонливец и торопливо перевёл взгляд на карты Монтгомери.

Тот открыл две дамы и ничего не значащие «семь» и «восемь».

– Пара в дамах?! – нетерпеливо заёрзал Жирондон.

Но Монтгомери, помедлив, торжественно открыл пятую карту и положил её рядом с дамами.

– Джокер[12 - Джокер – карта без масти и без значения. По желанию игрока выдаётся за любую другую карту. В колоде обычно два джокера.]] – охнул Сонливец. – Тройка в дамах!

Монтгомери собрал золото. Жирондон бессильно развёл руками. Горбун Крэк проворчал:

– Мальчишки! Игру на тройках ведут. А у меня был флэш-рояль!

Горбун тоже не участвовал в этой партии. Он отправил своего перекрещенного ремнями телохранителя к экипажу, за дополнительными деньгами, и, наблюдая игру издали, ёрзал на своём стуле, чуть отставленном от стола.

После очередного перерыва за столом произошло заметное оживление: в игру вернулись и Дюк, и горбун.

– Мистер Крэк добавил в свой сундук денег! – шутливо воскликнул Сонливец. – Берегитесь! Будет большая игра!

– Мальчишка! – огрызнулся горбун. – Будет вам большая игра, будет. Я чувствую! Мне сегодня крупная карта идёт...

Пробежала новая ящерица («их, очевидно, здесь специально разводят», – решил про себя Бэнсон) и Дюк объявил время ставок.

– Антэ – десять? – предложил кто-то.

С общего согласия ставки были сделаны по десять гиней.

– Пятьдесят! – заявил Дюк, после того, как игроки заменили карты.

– Пас. Пас. Пас. – Раздалось три возгласа.

В игре остались Дюк, Монтгомери, горбун и Сонливец.

– Уравниваю, – сказал Сонливец.

– Уравниваю, – решил и Монтгомери.

И вдруг всех озадачил горбун.

– Уравниваю и две тысячи сверху!

– Вы увлекаетесь, мистер Крэк, – весело сказали ему. – В первом круге – одна тысяча – предел ставок.

– Тогда тысячу сверху! – срывающимся в фальцет голосом выкрикнул горбун.

– Пас, – уставившись в пространство перед собой невидящими глазами, обронил Сонливец. – Пропали мои шестьдесят гиней...

– Не в свою очередь сказал, – строго выговорил ему Дюк и, переведя взгляд на Монтгомери, объявил: – Уравниваю тысячу мистера Крэка... и, поскольку второй круг... ещё две тысячи имею право добавить. Ставлю две тысячи!

– Пас, – сломался Монтгомери и отбросил карты.

– Ты блефуешь! – с ненавистью глядя в лицо Дюку, проскрипел горбун.

– Если я блефую, так вы в выгоде, мистер Крэк, – подчёркнуто вежливо ответил Дюк, выгружая на стол тысячу монет, чтобы уравнять ставку, заявленную горбуном, и ещё две тысячи – добавляя своих.

– Да, я в выгоде! – согласился горбун. – Потому что сегодня – моя удача. Потому что теперь я вас на третий круг не пушу. Вот моё золото. Я уравниваю две тысячи ваших, – и... больше не набавляю, а требую открыть карты!

И он выложил на стол свои.

Гул изумления пронёсся по комнате. Качнулись огни на свечных фитилях в канделябрах.

– Флэш-рояль! – Потрясённо сказал Жирондон. – Одному человеку! Дважды за ночь!

Перед горбуном лежали уже знакомые Бэнсону туз, король, дама, валет и десятка – как и в тот памятный кон, только бубновые.

– Если бы карты не были прибиты, мистер Крэк, – озадаченно произнёс Дюк, – я бы подумал, что вы где-то ловчите. Второй флэш-рояль! Понимаю ваше упорство. Выложили три тысячи с лишним...

– Карты! – перебил его Крэк.

– Разумеется, открою, – кивнул Дюк и обвёл взглядом присутствующих. – Обратите внимание джентльмены, какая ночь...

– Карты!! – взвизгнул горбун, и привстал, и уткнулся клином груди в край стола.

– Вы не могли бы взять себя в руки, мистер Крэк, – медленно проговорил Дюк. – Если я позволил себе паузу – то лишь в виду исключительной торжественности момента. Сейчас убедитесь.

– Карты, – с ненавистью прохрипел его визави.

– Что, – спокойно, в гробовой тишине, произнёс Дюк, выкладывая перед собой десятку, – джентльмены, может быть сильнее флэш-рояля?

– У... у... у вас что, покер[13 - Покер – высшая по силе комбинация: пять одинаковых карт.]?! – заикаясь, спросил Сонливец.

– Он блефует! – почти взвыл горбун. – Даже если у него есть джокер – то у него не может быть четырёх десятков! Потому, что одна из них – у меня!!

– А вторая – у меня, – задумчиво проговорил Дюк, открывая вторую десятку, – и третья – у меня, – и открыл третью.

Монтгомери засопел. Шепнул быстро:

– Но ведь четвёртая – действительно у мистера Крэка!

– И четвёртая у меня, – сказал Дюк, докладывая к трём десяткам разорванного наискосок джокера (горбун вздрогнул), и пятая – тоже здесь, – заключил Дюк и открыл... второго джокера.

– У-о-а-у! – восторженно заревели за столом, а Дюк, привстав, наклонился над столом и, выставив побагровевшую плешь, прокричал:

– По! кер! сде! лан! джен! тль! ме! ны!

Что было силы бил в ладоши Сонливец. Сложив руки у рта, гудел трубой Жирондон. Восхищённо покачивал головой Монтгомери. А горбун, оббежав вокруг стола, схватил карты Дюка и стал рассматривать их, сличая место прокола – нет ли подмены. Потом он перевернул карты всех игравших и снял с гвоздя оставшуюся колоду. Сомнения отпали: оба джокера были у Дюка.

– Никаких подмен, – резюмировал, наблюдая за манипуляциями Крэка, Монтгомери. – Мистер Дюк прилюдно и честно взял покером ваши три тысячи.

Горбун, качнувшись на тоненьких детских ножках, обвёл всех ледяным взглядом и прошипел:

– Вы сговорились!

– Научитесь проигрывать, мистер Крэк, – недовольно сказал Монтгомери.

– Нет, его понять можно, – ответил хохочущий Жирондон, – за одну ночь – карэ и два флэш-рояля – и всё мимо денег!

– Вы сговорились! – завопил горбун и подпрыгнул. И, вытянув перед собой длинный палец, добавил: – Я вам отомщу!

Потом повернулся и заковылял в комнату с бассейном.

А в игровой комнате повисла напряжённая тишина.

– Вы слышали, что он сказал? – спросил Дюк.

– Это нехорошо, – поднял плечи Сонливец.

– Игра была честной – это раз, – произнёс Жирондон. – Крэк богат и злопамятен – это два.

– Родственники у него есть? – быстро спросил Дюк.

– Нет никого.

– Тогда что же?..

И присутствующие, в полной тишине, посмотрев друг на друга, молча кивнули.

– Что он делает? – спросил кто-то.

Сонливец, выглянув в дверь, сообщил:

– Пьёт из бассейна.

– Тогда так, – Дюк обвёл всех пристальным взглядом. – Его кортеж должен уехать последним. Мы все быстро уезжаем вперёд. Ждём на подъёме у озера. Кто не хочет участвовать?

– Все хотят мирно играть, – негромко произнёс Монтгомери. – Значит, и участвовать будут все.

Цена угрозы

Близилось утро, и в замке с чёрными окнами наступил завершающий ритуал: все игравшие собрались у бассейна и наполнили чаши вином.

– Кто выиграл – пусть радуется, – напевно произнёс слепой носитель ящериц. – Кто проиграл – скоро выиграет.

Игроки, уже одетые, чинные, разом подняли фиалы и выпили. Дюк, зачерпнувший вина едва ли на треть чаши, лишь сделал вид, что пьёт. Он с нетерпением ждал возвращения Змея, который унёс в карету половину их денег: новому телохранителю, даже не смотря на могучие мышцы и крепкие кости, было трудно унести за один раз всё золото. А Бэнсон, радуясь оказии, неторопливо тащил чужой тяжкий груз, старательно запоминая длину лестничных маршей, спуски, подъёмы и повороты. Возвращаясь назад, налегке, он всё повторил в обратном порядке. «Змей» и представить не мог, когда бы это ему пригодилось, но в нём не было даже тени сомнения: уроки мастера Альбы и принца Совы были выше любых рассуждений.

Игроки старательно и поспешно, – однако с демонстративным равнодушием на лицах, – обогнали мистера Крэка, оставив его спускаться в «манекеновый» холл самым последним. Воздух был налит предощущением беды.

Заговорщикам помог ещё и телохранитель полупьяного горбуна. Поддерживая хозяина за острый локоть, он шёл нарочито медленно, поджидая Бэнсона. Предполагая позадираться со Змеем перед остальными бойцами, он рассчитывал хотя бы на словесный, пусть и иллюзорный реванш. Но тот, поставив сундук на плечо, с убийственным равнодушием проследовал мимо. Остальные же телохранители смотрели на обвитого ремнями могучего, но не очень умного бойца с сожалением: все понимали, что в этой компании такое поведение недопустимо, – и уж как-нибудь – да наказуемо.

Ранним прохладным утром из немого и тёмного замка вдруг вышла большая группа людей и попарно, расходясь веером, рассеялась в разные стороны. Все спешили к своим каретам. Горбун, выйдя последним, медленно ковыляя, всё больше отставал от других. Вот хлопнули дверцы и зашелестели колёса экипажей Сонливца. Почти вплотную за ним двинулись лошади Дюка. Затем из высаженного ровными полосами леса выехал кортеж Монтгомери. А горбун, поддерживаемый телохранителем, несущим почти пустой сундучок, всё ещё ковылял к своим трём каретам.

За несколько минут лошади шести кортежей, нахлёстываемые кучерами, домчали до места, где дорога забирала круто в гору и делала почти полный разворот – так, что когда экипажи ехавшего последним Жирондона подъезжали к повороту, кортеж Сонливца двигался по второй половине дорожной петли – почти навстречу, и почти что над ними.

Почти все кареты поднялись на верхнюю половину петли; внизу, на пустынной дороге осталась только одна карета – из кортежа Жирондона. Несколько человек из его свиты озабоченно топтались возле якобы сломанного колеса.

Послышались топот и стук колёс карет горбуна. Передний экипаж, доехав до «сломавшейся» кареты, затормозил, и в ту же секунду из заднего окна этой кареты один за другим прогремели три выстрела. Стрелявшие знали своё дело, и пули легли точно. Все три кучера мистера Крэка упали на землю. А затем (Бэнсону показалось, что лопнуло небо) от стоявших наверху экипажей раздался залп из сотни, примерно, стволов. Кареты горбуна покачнулись от невидимого удара. С их крыш и стен, сверкая лаком и белой древесной сердцевинкой, взметнулись щепки. Лошади испуганно присели и прянули назад, но суетившиеся возле «сломанного» колеса люди Жирондона уже бежали к ним, ловя под уздцы. А сверху, с откоса, размахивая сверкающими в ясном утреннем солнце клинками, тёмной стаей неслись охранники всех шести игроков.

– Быстрее туда, – шепнул Бэнсону Дюк.

– Зачем? – вопросительно взглянул на него телохранитель. – Пусть щенки порезвятся...

– Ключ, ключ, ключ! – жарко зашептал Дюк, – на шее у горбуна ключ, сними его незаметно!

В дальнейших объяснениях Бэнсон нужды не имел. Распахнув дверцу кареты, он выскочил и громадными прыжками понёсся к экипажу мистера Крэка.

Он всё-таки опоздал: в простреленные раскрытые двери уже заглядывали две или три головы. Но Змей, добежав, бесцеремонно их оттолкнул, прорывав:

– А ну-ка в сторонку! У меня здесь свои счёты.

И всей тушей влез во внутренне пространство кареты, и закрыл проём узких дверей. Рядом кто-то возбуждённо стал рассказывать, как телохранитель горбуна задирал Змея и напрашивался на драку. «Змей» же, едва окинув взглядом пробитые пулями тела, рванул на Крэке ворот, предавшись секундному сомнению – всю ночь на шее обнажённого по пояс горбуна не было никакого ключа, – но нет, вот он. Висит на одной половинке цепи: вторая срезана ударом свинца. Дёрнув ключ и погрузив его в свой карман, Бэнсон с рёвом взялся за тело нахального ремненосца. Как будто это и было целью его посещения кареты, он выволок телохранителя Крэка, бросил на землю, под ноги любопытным зевакам, и с досадой проговорил:

– К сожаленью – готов.

У соседних карет шла работа. Там, звеня клинками, добивали раненых. Бэнсон наклонился и, отстегнув широкие, свиной кожи ремни, сложил их, повесил на шею и пошёл вверх, к карете Дюка, не обращая внимания на то, что кровь с ремней пачкает его одежду.

– Принёс? – коротко спросил Дюк, когда его телохранитель сел рядом с ним.

Бэнсон вынул из бокового кармана и протянул ему небольшой чёрный ключ. Дюк поспешно спрятал его и расплылся в блаженной, сладкой улыбке.

– Это – чтобы показать, что бегал именно за ними? – спросил он, кивнув на ремни.

– Ну конечно, – сказал Бэнсон, но всей правды не договорил: он чувствовал, что ремни были ненормально тяжёлыми.

«Интересно, что в них за тайна, – думал Змей, ощущая, как кожаные ленты давят на его шею. – Скорей бы приехать».

Он успел заметить, как убитых кучеров заменили люди Монтгомери.

– Приведут кортеж поближе к имению горбуна, – пояснил, перехватив его взгляд, довольный хозяин. – Обставят, как нападение бандитов.

– Ключ – от какого-то важного помещения в доме Крэка? – с деланным безразличием поинтересовался Бэнсон.

– Разумеется, – помедлив, отвечивал Дюк.

– Без меня не ходи.

– Отчего так?

– Я неплохой специалист по скрытым ловушкам.

– Запомню.

Щёлкающие удары кнутов принялись часто бить напоенный пороховой гарью воздух. Кареты рванулись, – словно их владельцы, испугавшись только что сотворённого, спешили поскорее убраться.

Но их кортеж, к удивлению Бэнсона, повернул не в ту сторону, откуда приехали, а в Плимут.

– Нужно переждать немного, – пояснил ему Дюк. – Пусть тела Крэка и его свиты доставят в имение и вызовут помощника прокурора. Наша компания появится там позже – соболезновать и возмущаться.

– Будет делёж наследства убитого разбойниками горбуна? – уточнил Бэнсон.

– Да, но какой делёж! Недвижимость, конечно, сразу опишут – но она и не надобна. У каждого из нашей компании есть в имении предмет длительной зависти. Жирондон, например, выпросит для себя гарем: в нём несколько десятков невольниц.

– А мы? – равнодушно спросил Бэнсон.

– А мы... А я... есть там кое-что, что дороже сотни гаремов.

Дюк даже передёрнул плечами.

Остаток пути проделали в ненапряжённом молчании: Дюк, откинувшись к мягкой стене, жмурился в сладкой улыбке, а Бэнсон всё время думал – та ли это «компания», о недоступности которой слышал в своё время в Плимуте, или он напрасно теряет здесь время.

Глава 3

Заморские крикуны

Бэнсон и предположить не мог, насколько это была «та» компания. Он не знал, что в это самое время принц Сова разговаривал с кем-то из Серых братьев в знакомом Бэнсону доме в Плимуте.

– Я выследил Тайверта, – говорил, устало откинув голову на спинку кресла, Сова.

– Того самого? Гробокопателя?

– Да. Его ещё называют Рассказчик. Тайверт привёл меня в поместье одного весьма влиятельного в Лондоне человека.

– Как его имя?

– Люди, которые нас интересуют, зовут его «Дюк».

– Выследить Тайвера, думаю, было непросто. Он боязлив, а потому – очень внимателен.

– Да. Но в данном случае это было не трудно. В этот раз он очень спешил – нёс, видимо, какую-то редкостную находку. Трудно будет другое: выследить Дюка, а через него – всю их компанию. Охрана у него поставлена крепко. В дом не попасть...

Оскаленные человечки

Доехали до погружённого в утреннюю сонную дремоту Плимута. Проехали в порт. Здесь оставили кареты и дали работу ногам: нужно было как-то убить время.

Дюк, погружённый в какие-то свои, по-видимому очень приятные мысли, широко шагал, так что и Бэнсону, не принужденному укорачивать шаг до размера хозяйского, было легко, – и он шёл этим свежим осенним утром вольно и быстро, и так же вдыхал полной грудью морской йодистый воздух.

Открывались трактиры и торговые лавки, и Бэнсон с хозяином, оставляя прочую охрану снаружи, входили внутрь, к полусонным владельцам, где Дюк рассматривал, – а иногда покупал, – некоторые заморские причуды: то головной убор из цветных длинных перьев, то кожаную перчатку без пальцев с наклёпанными на ладони железными чешуйками, – видимо, чтобы лазить по стволам деревьев. Бэнсон мало обращал внимания на разложенные на прилавке и развешанные вдоль стен товары. Он, входя в очередную лавку, внимательно высматривал – нет ли за спиной или сбоку притаившейся малозаметной двери, откуда могли бы появиться умелые и отчаянные работнички тёмных дел, чтобы

ограбить богатого посетителя, а тело его утащить в ту же незаметную дверь: такие случаи – Бэнсон знал это – были. (Вот только немного сбивал его с привычного ритма мыслей острый запах табака и вид длинных шпалер разнообразнейших трубок в табачных лавках.)

Вдруг, у одного из торговцев, помимо прочего заморского барахла, быстро текущего сквозь проворные пальцы, показывающие раннему покупателю индейские и африканские амулеты, Бэнсон заметил мгновенно притянувший его внимание яркий предмет. Это был кожаный обруч-лента, носимый, как угадывалось, на шее, от которого вниз на тонких шнурах свисали восемь мешочков. Они походили на небольшие кисеты, – каждый размером немного побольше крупного гусиного яйца, – яркой, даже весёлой окраски. Они были парные, – жёлтые, оранжевые, кирпично-розовые и светло-коричнево-красные. Поражало то, что на поверхности тонкой, в радостные детские цвета крашенной кожи, были нанесены зловещие рисунки квази-человеческих[14 - Квази (лат.) – «около», «как будто».] лиц. Лица эти, из нестираемой, чёрной, шероховатой матовой краски, то с оскаленными, то с просто разинутыми в немом крике ртами, одновременно и притягивали, и пугали. Даже непосвящённому было件нятно, что в них таится чужая, с окраины света, тайная и могучая магия.

– Сколько денег? – спросил Бэнсон, забирая из рук продавца цветную гирлянду.

– Две гинеи! – торопливо сказал тот, опытным сердцем уловив в настроении посетителя и уверенность, и интерес.

Сказав это, продавец ещё раз раскрыл рот, чтобы сообщить, что эта вещь необычайно редкая и что снижать цену он не станет, но Бэнсон, кивнув головой, отстегнул клапан пояса, достал две золотые монеты и не бросил, а аккуратно выложил их на прилавок.

– Беру! – сказал он и, ставя точку в нежданном, стремительном торге, надел амулет на свою мощную шею.

Продавец, он же – владелец лавки, побагровев от понимания того, что если бы он затребовал пять гиней – посетитель выложил бы и пять, суетливо потянул к амулету руки, – жестом не требовательным, а бессильным, прощальным.

– Я в них деревянные шарики положил, – дрожащим голосом сказал он, – чтобы удобнее было показывать; давайте я шарики вытащу – тогда в этих «мешочках» можно носить и огниво с кресалом, и другие полезные мелочи...

– Оставь, – тяжело сказал покупатель. – Пусть будут с шариками. – И добавил: – Может, ещё за деревяшки тебе заплатить?

Продавец, решив, что это – надменная, – в его адрес, – ирония, лишь вздохнул. Но покупатель засунул руку в карман и выложил на прилавок ещё шестипенсовик.

Когда вышли из лавки на пристань, Дюк поинтересовался:

– А что, Змей, для тебя две гинеи – заурядная сумма?

– Нет, – ответил, прикасаясь к покачивающимся на груди цветным округлым мешочкам, Бэнсон. – Две гинеи для меня – это деньги.

– Тогда отчего ты так легко с ними расстался?

– В этих оскаленных человечках заключена какая-то сила, – ответил, ненадолго задумавшись, Бэнсон.

– Откуда знаешь?

– Не могу объяснить. Просто вижу.

Остаток пути совершили в молчании. Когда поднялись в карету, и возницы развернули кортеж в сторону имения горбуна, Дюк, разложив заднее сиденье, влез на него и, достав ключ, стал не отрываясь на него смотреть. Бэнсон, сидя на поскрипывающем под ним откидном креслице возле окна, так же подносил к глазам и рассматривал своих «оскаленных человечков». Он пытался поймать некую призрачную, ускользающую от него мысль, – осознание того, почему его так притянул к себе этот предмет. «Офф!» – вдруг выдохнул он, напряжённым сознанием «развернув»-таки в плоский лист прыгающий, призрачный «комок» мучающей его мысли.

Бэнсон сделал это, едва только вспомнил убитого в турецком караван-сарае немого товарища. «Урмуль!» – воскликнул мысленно Бэнсон в миг, когда одновременно с этим именем в сознании скакнул «комок» и развернулся в осмысленную картину. Друг, обретённый им в пиратском Адоре, стоял в дальнем углу караван-сарая и метал в головы янычарам свинцовые мушкетные пули. Теперь Бэнсон знал, в какое грозное, и в то же время «невидимое» оружие превратятся его человечки, если деревяшки в них заменить ядрами, отлитыми из свинца, – одно – из, примерно, шести пуль: и в «мешочек» поместится, и вес – как раз Бэнсону по руке. «Как долго искал! – корил себя Бэнсон. – А догадка – настолько проста! Мастер Альба, конечно, это оружие придумал бы сразу!»

Оставалось лишь добраться до дома, оставить хозяина на пару часов, – по придуманной когда-то Томасом Локком гаерной надобности «попить крови», – и найти в ремесленных рядах Лондона кузнеца или оружейника, который возьмётся отлить нужного размера свинцовые ядра.

Гробокопатель

На выезде из Плимута Дюк вдруг привстал, открыл переднее окошко кареты и приказал кучеру:

– Домой. В Лондон.

И, откидываясь на спинку сиденья, пояснил Бэнсону:

– Трудное решение, но разумное. К Крэку сегодня лучше не ездить. Там сейчас слишком много ненужных глаз. А наше от нас не уйдёт.

Он вытянул руку с зажатым в ней свисающим на цепочке ключом, покачал им наподобие маятника. Вздохнул. Спросил телохранителя, с трудом оторвав взгляд от раскачивающейся железки:

– Сцепить сможешь?

Бэнсон принял в подставленную ковшиком ладонь ключ и, повозившись немного, соединил разорванные края цепи. Зажав между зубами и приплюсвив для верности разогнутое звено, вернул ключ новоявленному владельцу. Дюк, подёргав руками в стороны, попробовал цепь на разрыв, довольно кивнул и надел её на свою короткую крепкую шею. После этого насовал под бок и намял локтем подушек, сбросил туфли и, вытянув ноги в шёлковых, с гладко вшитыми пятками (рукой очень опытной белошвейки) чулках, смежил веки и размеренно засопел.

Змей, пересевший на сиденье напротив, подумал: «До Лондона путь неблизкий, можно дождаться удобного случая... но, с другой стороны, вдруг – самый удобный – сейчас?» Он положил на колени тяжёлые, свиной кожи, соединённые накрест ремни, достал из внутреннего кармана куртки синеvато-чёрную альбову бритву, раскрыл её и аккуратно надрезал боковой шов на ремне. Через минуту он тихо пробормотал:

– Я так и думал.

На ладони его лежала маленькая, круглая, толстенькая гинея.

Машинально покачивая тяжёлыми плечами и туловищем – чтобы гасить толчки торопливо бегущей кареты – Змей достал трёхгранную стальную иглу, нитки и, осторожно и медленно перебирая толстыми пальцами, зашил монету обратно. Потом так же неторопливо перешил пряжки, сделав ремни на полфута длиннее. И, сняв куртку, надел эти ремни на себя – так, как носил их и прежний хозяин, накрест.

Он чувствовал, что смертельно устал. К тому же покачивание кареты тянуло откинуться на мягкую спинку сиденья и провалиться в сон... сон! – такой мучительно желаемый, сладкий... Змей несколько раз глубоко и часто вздохнул, сильно и резко подёргал головой из стороны в сторону, ободряюще улыбнулся сам себе и стал смотреть в окно. Он старательно, нащёптывая себе под нос, запоминал дорогу и все относительно приметные ориентиры.

Прошло достаточно много часов – томительных, долгих. Дюк, после очередного ощутимого ухаба открыл глаза, зашевелился и сел.

– Я не кричал во сне? – спросил он у восседающего напротив, с закаменевшим лицом, охранника.

– Нет, – ответил тот хриплым от напряжения голосом. – Я б разбудил.

– А ты что же, всё это время не спал?

– Телохранитель не может спать одновременно с хозяином.

– И это после всех приключений! И такой трудной ночи! Ну, ты силен. А ремни зачем нацепил?

– Чтобы все, кто увидят, были бы убеждены, что я бегал к Крэку именно за ними, а не за чем-то другим.

– Мудро, – ответил Дюк, машинально тронув спрятанный на груди под рубахой таинственный ключ.

Минуту-другую проехали молча. Дюк, высунув голову в окошко кареты, взглянул на небо. Сказал:

– Кажется, скоро должна быть река. Остановимся на пару часов. Мои бойцы поймают рыбы и сготовят уху. А ты должен поспать. В Лондоне я ожидаю визита людей, с которыми приходится быть осторожным. Стало быть, ты мне нужен бодрым и крепким.

Бэнсон кивнул. Дюк скомандовал остановить экипажи, вылез по малой нужде. Вернувшись в карету, сказал:

– Река действительно близко. Можешь заснуть прямо сейчас.

Бэнсон снова кивнул; неторопливо – с усилием сдерживая себя – снял башмаки, лёг на сиденье, сложил и сунул под голову куртку, и скользнул в чёрный спасительный омут.

Проснулся он от весёлого голоса Дюка.

– Кажется, нет такого занятия, где бы ты был не силён! – говорил, расплывшись в улыбке, баловень покера. – Ты хоть знаешь, сколько проспал? Вставай! Лондон скоро.

Бэнсон сел. Выглянул из кареты. Рысящий подле кареты один из охранников согнулся над лукой седла и послал Змею приветливый жест, – как давно знакомому другу. Бэнсон равнодушно кивнул. Взял флягу с водой. Обливая ступеньку кареты, умылся, прополоскал рот. А когда он «вернулся» в чрево кареты, то удивлённо свёл брови: от стенки, вернее – от дверцы, между сиденьями был откинут столик, на который Дюк выкладывал из дорожного сундука замысловатую снедь. На металлическом длинном подносе устроились в ряд, выставив вверх кости окорочков, три жареные куропатки; желтел, поблёскивая слегка оплавленным боком сыр; подпёрла собственные бока ушками-ручками квадратная глиняная чаша с янтарно-алой русской икрой; пестрел нашпигованный морковными «гвоздиками» белый, массивный, заливной рыбий бок; округлой башенкой возвышались лепёшки. И у самого края парой близнецов встали два жестяных жбана с ручками, как у кружек, и крышками на винтах, – мерой в три, если не больше, пинты каждый.

– В одном – уха, – сказал Дюк, ткнув в их сторону пальцем, – остыла давно, а во втором – пиво. Годится?

– Годится, – ответил Змей, с трудом помещая колено под столик.

Перекрестившись, он, скромно выражаясь, «покушал». Он съел всё, и опустошил оба жбана. Выбрав куском лепёшки остатки икры, он снова перекрестился и, с трудом переведя дух, проговорил:

– Так что. Где эти, с кем нужно быть осторожным.

– Должны ждать меня дома, – ответил Дюк, недоверчиво взирая на опустошённый поднос. – Но, кажется, имея телохранителя с таким аппетитом, я могу позволить себе не думать об осторожности.

Однако Бэнсон видел, что это всего лишь слова, так как едва подкатили к имению, Дюк сделался внимательным и напряжённым. (И всё же на то, чтобы подметить эту метаморфозу, Змей «истратил» лишь толику своего восприятия, в основном же быстро и цепко вглядывался и запоминал устройство громадного

серого здания, а также подъезды и подходы к нему.)

Да, Дюк был напряжён, но он немедленно успокоился и воодушевился, когда ему сообщили, что ожидает его лишь один человек, и когда узнал – кто именно.

– Приветствую тебя, Тайверт, – с деланным равнодушием сказал Дюк, входя вместе с Бэнсоном в маленькое помещение на втором этаже.

Навстречу ему и Бэнсону, выпроставшись из продавленного, узкого и глубокого кресла, торопливо шагнул, на ходу кланяясь, невысокого роста, узкоплечий, с землистым лицом человек. Со стороны было видно, что Дюк непроизвольным и торопливым движением заложил руки за спину, – как будто боялся и избегал рукопожатия.

– Дс-ень-ки сакн-он-ц-ились, – безобразно шепелявя, выпалил гость, взмахивая тонкими длинными руками с широкими, как ни странно, и крепкими ладонями.

«Деньги закончились» – с усилием вник в смысл сказанного Бэнсон.

– У меня тоже нет лишних денег, – вздохнув, посетовал Дюк (как будто и не перетаскивали в эту минуту его слуги из кареты в серую «крепость» сундук с выигранным золотом).

– Не в долг, не в долг! – ещё более торопливо зашепелявил, моргая чёрными глазками, Тайверт. – Находочку я привёз!

– Редко в последнее время ты мне привозишь что-либо стоящее, – продолжал разыгрывать безразличие Дюк.

– Находочка на этот раз хороша, ваша светлость! Вот, сами смотрите!

И гость, вытащив из-за кресла какой-то вонючий мешок в подозрительных пятнах, распустил узел верёвки и достал из его пахнувших тленом и сыростью недр... череп.

Это был не просто череп когда-то очень крупного человека с ненормально развитой нижней челюстью, – а череп воина. От глазных впадин, а также от

кромки пониже затылка и вверх, заострённым куполом высился кованный из двенадцати стальных полос с золотыми накладками шлем.

– Князь или царь, – уверенно сказал Тайверт, протягивая ошеломленные кости владельцу имения.

– Неужели? – с явной иронией ответил Дюк и протяжно зевнул.

Он повертел невиданное приношение в недрожащих руках, всмотрелся под кромку шлема.

– Не снимается, – пояснил внимательно следящий за ним Тайверт. – В сосновом лесу в болотце лежал. Смола затекла. Кость к железу приклеилась крепко. Я думаю, ваша светлость найдёт мастера, чтоб осторожно отковырял.

– Ладно, куплю, – небрежно произнёс Дюк. – Устал я с дороги. Торговаться и спорить нет сил. Десять фунтов.

– Десять фунтов? – с наигранным удивлением, доходящим даже до вполне правдоподобной наивности, переспросил Тайверт. – А почему не одиннадцать?

– Одиннадцать – это уже много, – задумчиво отвечивал Дюк. – А сколько ты хочешь?

– Сто! – быстро выпалил продавец.

– Беру! – так же быстро проговорил покупатель и, не выпуская «находочки» из начавших-таки дрожать рук, быстро вышел.

Вернулся он уже без покупки, но с денежным кошельком.

– Сто, как запросил, – сказал Дюк, протягивая Тайверту тяжёлый кошель.

Серое лицо гостя сделалось точно таким, как у продавца «оскаленных человечков» в Плимуте: он понял, что если бы запросил тысячу – покупатель согласился бы без раздумий.

– Позолота на шлеме, – принялся Тайверт запоздало нахваливать принесённое, – челюсть у черепа очень большая...

– Ладно-ладно, – остановил его Дюк. – На сто фунтов можно жить десять лет. К тому же, у меня есть конкретный заказ.

– На могилу?

– На могилу. Недавно умер один горбун... Ты знаешь, какой.

– Раскопать вашей светлости его голову?

– Нет. Раскопать всего горбуна. Нашей светлости нужен весь скелет, целиком. Понимаешь? Сделать нужно незаметно и быстро.

– У меня иначе и не бывает. Десять фунтов?

Дюк рассмеялся.

– Привезёшь обваренный и отмытый скелет – получишь ещё сотню.

Тайверт поклонился, подхватил опустевший мешок и направился к двери.

– Да, – проговорил Дюк ему в спину, – а не надоело ли тебе в гнилье ковыряться? Начал бы по свежим людям работать. Знаешь, сколько денег за этот год получил мой главный поставщик?

– Й-а не уп-ийт-сца! – с нескрываемым возмущением проговорил гробокопатель и, отвесив демонстративно глубокий поклон, закрыл дверь.

– «Он не убийца!» – скривил лицо Дюк. – Потрошитель гнилья – а с правилами! – И, доведя взгляд до Бэнсона, другим, посерьёзневшим голосом быстро спросил: – Что с тобой?

– Опасных гостей больше не будет? – с трудом сглотнув, спросил Бэнсон.

– Пока не предвидится, – ответил хозяин имения.

– Мне нужно на денёк отлучиться.

– Что-то случилось?

– Случилось. Пора свежей крови попить.

– Слушай, Змей, – заговорил, заметно воодушевляясь, покрасневшийся Дюк. – А как ты это делаешь? И для чего? Можно узнать? У меня, кажется, есть к тебе одно предложение...

– Что будет можно – я расскажу, – Бэнсон на секунду непроизвольно напряг мышцы шеи. – Со временем. А сейчас мне нужна хорошая лошадь.

– Я дам тебе коня, – торопливо сказал Дюк, – недавно в Лондоне в кости выиграл. Как раз под тебя – высокий, тяжёлый, недавно набили новенькие подковы. Двух дней тебе хватит?

– Вполне, – сказал Змей и шагнул к двери, в которую только что вышел потрошитель усопших.

Крот и шакалы

Бэнсон и Тайверт, один за другим, выбрались на проходящий недалеко от имения Дюка широкий тракт – и направились в разные стороны. Здесь уместно коротко поведать о том, кого на своём пути встретил гробокопатель, пока Бэнсон, сидя на своём новом вороном жеребце, спешил к некоей тайной цели.

Деньги! Даже в небольшом количестве деньги приносят во внутренний мир человека ощутимые изменения. А у Тайверта денег было более чем изрядно. Тайверт совершил торговую сделку, о которой мечтал много лет. Ему попалась редкостная находка, и он очень выгодно её пристроил. Правда, его попытались проверить на простоватость, предложив вздорные десять фунтов, – но Тайверт не таков, чтобы не отличить ценной вещи от заурядной. Тайверт потребовал

сотню – и эти тяжёлые, полновесные сто гиней получил. Он быстро шёл по дороге, размахивая опустевшим мешком, и его внутренний мир был совсем иным, нежели неделю назад, когда он ковырял старые кости на обсохшем крае маленького болотца. Его переполняли и радость, и лёгкость, и чувство собственной важности. Наконец-то свершилось мечтаемое: он был богат.

Богатый и важный, хотя и не купивший пока что крепкую лошадь, пахнувший тленом и плесенью человек свернул в первый же оказавшийся на дороге трактир. С той осанкой и выражением лица, которые безошибочно выдают состоятельность и солидность, новый посетитель прошёл к свободному столику и сел, привычным движением бросив мешок вниз, под скамью. Торопливо подбежавший к нему трактирный слуга долго принимал заказ – новый посетитель при разговоре безобразно прищёлкивал и шепелявил.

Этот-то дефект произношения и сыграл с ним подлую шутку. Когда Тайверт, хорошо покушав и выпив, стал расспрашивать слугу о том, как побыстрее добраться до имения некоего почтенного человека, слуга, уточняя и переспрашивая, говорил громче, чем этого требовала щепетильность предстоящего дела. Это было неизбежно – любой, разговаривая с глухим человеком, или плохо знающим язык иностранцем, непроизвольно повышает голос. В каждом из нас сидит странное убеждение, что, если говорить громче, то слушающему будет понятней. Таким образом, смысл расспросов, а так же и имя этого «почтенного человека» стали известны троим неспешно обедающим людям, сидящим в уголке в отдалении. Они молча переглянулись и, оставив на столе пару монет, вышли из трактира, стараясь не глядеть в сторону Тайверта.

Но оказалось, что скрывались они от кривоязыкого богача лишь до времени. Стоило только ему, отяжелевшему от еды и вина, ступить за дверь, как трое тихо и быстро окружили его.

– Привет, Тайверт, – сказал их предводитель. – Рад тебя видеть, вонючка. Как идут дела, старый крот?

Гробокопатель, побледнев, отшатнулся, но, наткнувшись спиной на стоящего сзади, вымученно улыбнулся и проговорил:

– Д,асс-туй, Гл, усс-то-ол.

– Чувствую, что нам по пути, – негромко сказал собеседник, кладя тяжёлую руку на плечо поникшего Тайверта. – Садись, подвезём. Вот наши лошади.

– Й-а псеш-ск, ом, – попытался избежать путешествия в нехорошей компании гробокопатель.

– Лезь в седло, вонючка, – жёстко произнёс стоящий за спиной, незаметно для возможных свидетелей приставляя к гробокопателю нож.

Тайверт, всхлипнув, подошёл и вдел ногу в стремя.

Отъехав от тракта на милю, компания свернула с дороги в лесок. Сначала намерения троих приятелей выглядели вполне мирными. Привязав к ветвям дерева лошадей, они сбросили на землю объёмные кожаные мешки и, развязав их, принялись вытаскивать из них какие-то подвявшие травы, и заталкивать на их место свежие, предварительно их растирая и скручивая.

– Чтобы запах отбить, – подмигнув Тайверту, пояснил один из его навязчивых случайных друзей.

Гробокопатель, сев спиной к дереву, прикрыл глаза, показывая, что вполне понимает происходящее.

– Надо пошевеливаться, Глустор! – недовольно сказал третий. – К вечеру от мешков будет такая вонь, что к нам прибегут все собаки с округи!

– Сейчас пошевелимся, – сказал предводитель и, подойдя к Тайверту, с поразительной бесцеремонностью стал выворачивать у него карманы.

– Так-так! – проговорил один из его сообщников, поднимая выброшенные им на землю кошель с золотом. – У Крота, кажется, была удачная сделка!

А Глустор, не обращая внимания на свою грабительскую добычу, пристально взглянул в лицо беззвучно плачущего гробокопателя, зловеще спросил:

– Ты зачем спрашивал, как добраться до имения Крэка? Известно, что Крэка уколошили недавно. И вот ты, имея при себе целое состояние, топаешь туда. А

куда Тайверт топает – там, как известно, будут разрытые упокоища. Сам расскажешь, или огонь разводить?

– С-амм, – закрыв глаза, вздрагивая, прошептал Тайверт.

Через десяток минут, после его полувнятного откровения, Глустор повернулся к спутникам:

– Эт-то новость, ребята. Кому её выгоднее продать?

– Тому, кто сейчас к нам поближе! – выпалил тот, кто всё это время пересчитывал деньги в тайвертовом кошеле.

– А кто из них ближе?

– Воглер.

– Ах, да. Он же в Лондоне. Так что, сначала – к Воглеру, а потом – мешки к Дюку?

– Давай-давай-давай, ребята! – заторопил своих сообщников третий. – Пока товар не пропал, надо успеть и к Воглеру, и к Дюку!

– Это верно, – кивнул, не сводя ледяного взгляда с Тайверта, Глустор. – Трогайте, а я тут немного следы замету.

Гробокопатель попытался втиснуться спиной в твёрдый ствол дерева, спрятаться в его волокнистых невидимых недрах... Глустор, достав длинный, тяжёлый кинжал-дагу, спросил:

– Ты читать и писать, как мне помнится, не умеешь?

Тайверт торопливо помотал головой.

– Это хорошо, – многозначительно кивнул Глустор. – Тогда давай-ка сюда язык. Отрежу язык – тебя убивать не придётся.

Через минуту он, отвязав свою лошадь, вспрыгнул в седло и присоединился к сообщникам. На поляне остался лежать человек с вывернутыми карманами и окровавленным подбородком. Он медленно пополз по поляне, собирая в кучу оставленные разбойниками пучки трав. Потом сунул в эту кучу голову, набросал ещё на спину, подтянул к животу колени, несколько раз сильно вздрогнул – и замер.

Аркебузные ядра

Конь оказался далеко не молодым, но сильным, выносливым и очень послушным. Неумоимо выбрасывая перед собой длинные крепкие ноги, он нёс Бэнсона много миль – как на одном дыхании. Путь вышел неблизкий – остаток дня, ночь и следующее утро: Бэнсон долго не мог найти то, что упрямо искал, пристально вглядываясь в проплывающие перед ними застройки лондонских окраин. Помог ему запах – характерный, знакомый, ни с чем не сравнимый запах жжёного горного угля. Конь встал, повинаясь внезапному движенью узды, и спокойно стоял – неподвижно и кротко, пока Бэнсон, привстав над седлом, внимательно всматривался в раскинувшийся перед ним край лондонского пригорода. И вот, в одном не очень отдалённом местечке открылся взгляду тёмный характерный дымок, поднимающийся над ремесленными рядами. Всадник тронул стремяна, и конь пошёл мощно и ровно, как будто вполне отдохнул за эту маленькую минуту.

Отыскав строение, над которым поднимался дым, Бэнсон спрыгнул на землю, набросил повод на крюк у двери и, пригнув голову, вошёл внутрь.

– Срочное дело, хозяин, – произнёс он, разглядев согнувшегося у горна мастера, и уже после добавил: – день добрый.

– День добрый, – ответил кузнец, выпрямляясь и всматриваясь в посетителя.

Облик пришедшего и его манера говорить, кажется, что-то открыли мастеру, так как он, ухватив щипцами недокованный раскалённый металл, безжалостно швырнул его в каменную нишу с водой (забурлила вода, и засвистела, остывая, поковка) и, подойдя ближе и вытирая руки подфартучником, уважительно произнёс:

– Сделаю всё, на что хватит умения. Но за срочность – плата двойная.

– Заплачу, сколько скажешь.

– А что требуется?

– Мне нужны пули.

– К пистолету? Или охотничья дробь?

– Нет. Большие пули. Вшестеро крупнее мушкетных.

Кузнец несколько переменялся в лице и отступил вглубь кузни.

– Выбери сам, – сказал он, указывая на висящие вдоль стены клещи, наконечники которых заканчивались не кривыми когтями-хваталками, а парами круглых выпуклых чашек.

Бэнсон понял, что в такие вот чашки, соединённые вместе и образовавшие шар, наливается жидкий свинец, и затем, когда он остынет, клещи разводятся, чашки разъединяются и из них добывается пуля.

– Вот эти, – сказал он, указывая на подходящий, по его мнению, инструмент.

– Тогда плата – втрое, – сказал, почему-то понизив голос, кузнец. – И – мои уверения в том, что я буду молчать.

– О чём молчать? – не скрыл недоумения Бэнсон. – И почему плата – втрое?

– Так ведь ты же просишь отлить не пули, а ядра!

– Какие ещё ядра?

– Ядра для кулевриновой аркебузы! «Горох» для оружия, которое страстно любят контрабандисты и ненавидят полицейские и солдаты!

– А что это за кулевриновая аркебуза? – с искренним любопытством поинтересовался Бэнсон.

– Так ты, выходит, посредник, – задумчиво покивал головой кузнец. – Тебе поручили весьма рискованную работу, а ты и сам не знаешь, за что взялся!

– Кулеврину я знаю. Небольшая корабельная пушка...

– А кулевриновая аркебуза – тоже почти пушка, но маленькая, и сделана в виде ружья. Достаточно сильные люди носят её в руках. Один выстрел из неё разбивает полицейскую шлюпку на две половины! Эту штуку контрабандисты хранят где-нибудь в прибрежных пещерах, а достают лишь когда предстоит серьёзная ночная работа. Потому что если у тебя эту аркебузу найдут – готовься со смирением принять десять лет каторжных работ, или – матросом на военный корабль...

– Мне нужны только пули. То есть ядра. Сможешь быстро отлить?

– Сделаю, сделаю, – торопливо проговорил мистер. – Неси свинец.

– Откуда у меня свинец? – уставил на него непонимающий взгляд Бэнсон.

– Ты что же, не привёз свинец? – так же непонимающе спросил его собеседник. – Ты разве не знаешь, что даже сумасшедший не станет хранить свинец в кузнице, когда за него – те же десять лет каторги! Тебя послали заказать аркебузные ядра, и не сказали, что свинец нужно везти с собой?!

– А где можно быстро прикупить свинца? – спросил, мгновенно уяснив ситуацию, Бэнсон.

– Есть где прикупить. Через две ночи...

– Мне нужно сейчас.

– Сейчас невозможно.

– У меня есть полдня. За это время нужно что-то придумать.

– Невозможно, – вздохнул тоскливо кузнец. – Поверь, мне бы очень хотелось заработать.

Потянулась тяжёлая пауза. Вдруг Бэнсон спросил:

– А в чём ты плавиль свинец?

– Известно в чём, – сказал мастер. – В тигле.

И показал толстостенный, железный, на длинной ручке стакан. Бэнсон заглянул в него. Дунул. И снова спросил:

– А золото в нём расплавится?

– Конечно. Порубить только надо помельче. А у тебя что же, есть золото?

Рот кузнеца насмешливо искривился.

– Раздувай горн, – жёстко сказал Бэнсон и вытащил длинную, с синим отблеском бритву.

Кузнец, в замешательстве отступив, всё же взял себя в руки и, набросав в горн угля, задвигал мехами. Когда новый уголь превратил огонь из красного в белый, он повернулся – и охнул. На его наковальне лежал холмик монет, издающий жёлтый матовый блеск, который ни с чем нельзя спутать. А изумительный гость резал снятый с себя широкий нагрудный ремень и доставал из него всё новые и новые соверены.

– Охх!! – простонал мастер, ужаленный небывалой догадкой. – Ты хочешь... ядра... из золота?!

– А у тебя что, есть свинец? – спросил, не поднимая лица, взмахивающий бритвой заказчик.

– Детям и внукам рассказывать буду, – взволнованно бормотал, набивая тигель рубленным золотом, мастер. – Кто и когда делал пули из золота? Вот, а я –

делаю!

Пристроив сбоку к огню тяжёлый, закопчённый стакан, мастер приготовил щипцы и строго сказал заказчику:

– Теперь сядь в сторонке и не мешай.

И, колдуя у огня, рассказывал-пояснял:

– Если свинец наливать в форму нетвёрдой рукой, или просто небрежно, то проливаются капли. От них на земле остаются блескучие пятнышки. Это – улика: плавил пули, не имея патента! Пожалуй-ка на каторгу... Эти пятна и брызги приходится выскребать, а такое занятие считается унижительным. Отсюда – своего рода соревнование: когда собираются на большой заказ, на ночную работу знакомые кузнецы – то считают, кто больше «накапает». Я за последние пять лет не опозорил себя ни одной каплей. Сегодня же – день особый. Если у меня разбрызнется плавка – то, значит, – я пролил золото!

Тут он накрутил на ручку тигля холстину, вытянул его из горна, поднёс к щипцам и, остановив дыхание, струйкой, не толще молочной коровьей струи, одним длинным движением вылил ярко-жёлтую жидкость в закреплённую форму. Отставив опустевший тигель, он отпустил крепление, схватил щипцы и окунул их оконечный, наполненный жидким золотом шар в ту же нишу с водой, куда не так давно выбросил недокованное железо. Окунул, быстро выдернул из воды на воздух и, постояв так минуту-две, снова погрузил – да там и оставил. Выпустив клещи из рук, он стал снова рубить монеты на небольшие чешуйки и наполнять ими тигель. К тому времени остыла форма, и мастер, вытащив её, почерневшую от воды, наружу, поднёс к наковальне, разъял чаши – и на железную, тёмную, иссечённую ударами молотов поверхность выкатился сверкающий, новенький, тяжело стукнувшийся золотой шар.

Бэнсон, как будто притянутый некоей невидимой силой, шагнул и взял шар в ладонь – ещё горячий, блестящий, тяжёлый. «Вес – как раз к силе руки, – подумал он, – и в мешочек поместится». И, пока он баюкал в ладонях невиданное аркебузное яблочко, на наковальне стукнуло и покатилося ещё одно – точно такое.

А кузнец не просто колдовал у горна, – священнодействовал. Движения его боли точны и быстры. Звенел, поддеваемый совком из мешка, уголь; хлопали и хрипели меха; стучал молот и клацало, прорубая монеты, зубило; щёлкали, соединяясь, половинки литейной формы; шипела вода; звонко падали на наковальню горячие ядра. И между всем этим кузнец ещё успевал смахивать со лба пот и насухо вытирать подфартучником мокрые закопчённые пальцы. Его безостановочное мелькание завораживало не меньше, чем вид и ощущение тяжести горячего золотого шара в руке.

Бэнсон опомнился только тогда, когда кузнец прохрипел:

– Девятый! Сейчас будет полный десяток.

– Стоп! – торопливо сказал заказчик. – Больше не надо.

– Так что, – нерешительно спросил, опустив руки, разгорячённый кузнец, – больше не надо?

– Нет.

– Горн можно тушить?

– Туши.

Затихли меха, перестал гудеть горн, и, казалось бы, конец всей работе, но мастер провозился ещё полчаса. На каждом ядре он счистил напильником сегментальный шов и каждое заполировал.

– Этого хватит? – спросил Бэнсон, оставляя на краю наковальни золотую монету и половинку ещё недорубленной.

– Мне? Гинею? – изумлённо-недоверчиво проговорил кузнец и, спрятав в какой-то кармашек под фартуком плату за необыкновенный заказ, поклонился. Сказал проникновенно: – Спасибо за щедрость!

Бэнсон, усевшись в седло, гибко склонился вперёд, подавая на прощание руку вышедшему из кузни мастеру. Тот, подавая в ответ свою, устало сказал:

– Прощай, контрабандист. Долго я тебя буду помнить. Жаль только, сыновья не поверят...

– Они поверят, – сказал с коня Бэнсон и, достав один жёлтый шар, бросил его в машинально подставленные ладони.

– Это что же?! – замер кузнец.

– Это – на память. Или – на чёрный день. Как захочешь. Мне нужно всего восемь. А этот был лишний. Прощай.

Сильно взял с места застоявшийся конь. Рассыпалась и затихла вдали дробь копыт. А мастер всё стоял, глядя вслед доброму «контрабандисту», и прижимал к груди руку, в полусведённой ладони которой лежало маленькое жёлтое солнце.

Глустор

В сердце у Бэнсона поселилось какое-то необъяснимое беспокойство. Это беспокойство ещё усиливал ритмичный стук о грудь тяжёлых золотых ядер, вложенных в кожаные кисеты с оскаленными человечками. Змей гнал коня, и уже опасался, как бы тот не сбоил[15 - Сбоить (термин наездников) – спутаться, пойти вразножку]шага, но чёрный, слегка подёрнувшийся остро пахнувшей пеной ветеран шёл ровно и мощно.

Проносясь через неширокое поле к серому дому-крепости, Бэнсон увидел, что его ждут: ворота внутреннего двора, когда до них было ещё далеко, дрогнули и растворились. Издалека послышался протяжный скрип тронутой ржавчиной петли. И Бэнсон воспринял этот скрип, как не прямой намёк на то, что не всё в окружении Дюка охвачено предусмотренным и идеальным порядком. Что при желании можно найти бреши не только в его доме-крепости и охране, но и в его мыслях и действиях. Вот только когда и для какого хода событий следует использовать эти бреши – Бэнсон не мог и представить. Если враг перед тобой – вполне ясно, как строить схватку. Но в ситуации невидимой длинной охоты, с планами, уловками, многодневными паузами – тут Змей чувствовал себя по-

детски беспомощным. Вот если бы хоть на минутку увидеть принца Сову! Хоть на секунду развеять сомнение – тот ли Дюк человек, деяний которого на этой земле так стараются не допустить Серые братья? До сих пор, кажется, он ничем не проявил себя в качестве мучителя и злодея. Ну, покупает старые черепа. Ну и что? Бэнсон встречал людей, которые и дня не жили без чьей-либо крови. А Дюк? Разве что (Бэнсон сыронизировал сам над собой) в подвале у него стоит ванна – наподобие той, что была у Жюля де Рэца, о котором рассказывал мастер Альба! Нет, нет. Явно – Дюк не де Рэц. Конечно, хорошо бы самому убедиться, но в подвал к нему, скорее всего, не попасть...

– Хозяин велел проводить тебя в подвальную залу, – торопливо сказал спрыгнувшему с коня Змею озабоченный чем-то слуга, – сразу, как только приедешь.

Бросив поводья подбегающим конюхам, Бэнсон устремился за торопливо шагнувшим в глубину двора слугой, задержавшись, однако, на миг – чтобы ласково похлопать коня по горячей шее.

– Кажется, к нему нехорошие гости пожаловали, – слуга на ходу выкладывал новости. – А охрану с собой в подвалы хозяин никогда не берёт, потому что дела у него с этими гостями какие-то тайные...

Добравшись до лабиринта подвалов и пробежав анфиладу комнат, Змей и слуга приблизились к большой и тяжёлой («как у сэра Коривля», – мелькнуло в памяти Бэнсона) двери. Однако все воспоминания о прошлом мгновенно исчезли, словно выметенные из головы раскалённым невидимым ветром, едва лишь Змей шагнул за эту медленно приотворившуюся дверь.

То, что он увидел, было чудовищно. Невероятно, нелепо. Дюк сидел на возвышении, на стуле с высокой спинкой, похожем на трон. Напротив него, на коротких скамьях, или двухместных табуретах, сидели трое. У ног их стояли стоймя раздутые, наполненные чем-то похожим на тыквы, кожаные мешки. И все присутствующие, и то, что было выложено на полу длинным, неровно изогнутым полукругом – всё было залито ярким солнечным светом. Бэнсон замер на долгое, мучительное мгновенье, когда понял, что полукруг этот выстроен из отрубленных, человеческих, испачканных кровью голов. Мысли его понеслись вскачь – сами по себе, минуя волю хозяина:

«Вот с краю маленькая голова – это ребёнок».

«Откуда в подвале такой яркий свет?»

«Ах, вот что – вдоль стен вверх идут световые колодцы с зеркалами».

«У Дюка лицо и поза человека, который тщательно скрывает то, что до ужаса боится своих собеседников».

«Зачем же тогда пустил их сюда – да ещё троих?»

«Да, мешки. Они же принесли три тяжёлых мешка».

«А в них – убитые люди».

– О, вот и ты!! – выкрикнул и с дрожью в голосе, и с видимым облегчением Дюк. – Иди сюда, Змей!

Бэнсон шагнул, передвигая ноги словно в вязком болоте.

– Ну так ты обдумай цену, приятель, – жёстким тоном, не обращая внимания на вошедшего, говорил тот, что сидел на средней скамье. – Тебе не выбирать надо – что нравится, а что нет. А брать всё, что мы принесли. Иначе мы предложим всё это твоему приятелю, которого кличут Длинный Сюртук.

– Всё это – да и твою собственную голову в придачу! – со смехом добавил один из сидящих рядом.

Со смехом, – чтобы придать фразе видимость шутки. Но шутка вышла не очень хорошей, – в том плане, что несерьёзного в ней было мало.

Бэнсон потом не раз хвалил себя за то, что он в этот миг сделал.

На звук его шагов, и в направлении Дюкова взгляда гости обернули свои недобрые лица. По неуловимым, не поддающимся точному описанию признакам Бэнсон определил, что все трое – опытные, битые звери, много лет жившие по

волчьим законам. И выжившие! Что они оценили опасность вошедшего, ещё не видя его – по «аромату» окружающей его личной ауры, по незримому дуновению «присутствия». И что под одеждой у них – несомненно – притаилось оружие. Медлить было нельзя.

Да, опытные, битые звери. Змей ещё только сделал взмах рукой – а они уже на ногах, и качнулись в стороны друг от друга, обтекая его заученными, загоночными, веками отшлифованными движениями волчьей стаи. Но из, казалось бы, пустой руки дюкова телохранителя со страшной силой вылетел, фыркнув, и глухо ударил в грудь одного из гостей небольшой оранжево-жёлтый комок. Гость «срезался», как будто на полном ходу налетел животом на туго натянутый поперёк его бега канат, перегнулся пополам – и упал. Но он не достиг ещё пола, как Змей сорвал с шеи нового оскаленного человечка и точным броском поразил в грудь второго. (Спасибо тебе, бедный Урмуль!)

Нет, бойцом притвориться нельзя. Если ты не способен на серьёзную схватку – это проявится в первый же миг. А оставшийся, последний из троих, был способен. Бэнсон даже понять ничего не успел, – взгляд его был выложен на траекторию броска, – и естественно: иначе – откуда бы взялась точность? – как вдруг получил страшный удар в лицо.

Кого другого – да, опрокинуло бы на выглаженный хорошими камнетёсами пол. Бэнсон же лишь качнулся, машинально схватившись за припечатавшую его тяжёлую скамью. А бросивший её, оказавшийся вдруг неожиданно близко, со свистом рубанул прямым, широким, тяжёлым клинком. Когда успел достать? Ударил вкось, от плеча, из правильной, хорошей позиции – ноги широко разброшены, левая впереди, корпус, плечо и рука скручиваются справа налево из добротного поставленного замаха. Плохо в его положении было то, что действовал он заученно, машинально, не соотнося действий с конкретным положением дел. Да, любой, кто был бы на месте Змея, теперь бы упал – а удар вниз, по лежащему, лучше сделать секущий – он в этой позиции сильнее колющего во много раз. Но нападающий подскочил слишком близко...

Пространства для развития максимальной скорости удара не хватило – и недовершённый ход широкого прямого клинка всего лишь рассёк подставленный Бэнсоном табурет. Остриё задело плечо – но едва-едва, даже не взрезав одежды. Нападающий охнул от ушедшего в руку столкновения с твёрдым деревом (хорошие табуреты у Дюка!), и тут же получил страшный удар ногой в грудь. Отлетел назад и упал, раскатывая в стороны принесённые на

продажу головы. После этого прозвенел упавший рядом клинок.

Бэнсон, с силой выдохнув из носа заполнившую его кровь, одним прыжком подскочил к лежащему и, схватив его за шиворот и за пояс, поднял его перед собой, параллельно полу, перевернув лицом вниз. (Как чёрного пса в памятном дворе в Лонстоне.) Шагнул к клинку (хорошая, длинная дага), носком ноги поддел его и зажал, утвердив остриём вверх, между ступнями. Нависший над остриём его бывший владелец, отчаянно закричал, – и, крепко вцепившись одной рукой в бэнсонову куртку, второй стал делать судорожные круговые движения, как будто куда-то стремительно плыл.

Змей, однако, не спешил бросать его вниз, на страшную, посверкивающую колючку. Он хорошо понимал, что этот гад ему очень нужен. Что человеческие головы покупает ещё какой-то Сюртук. И что к нему не подобраться без этого вот «пловца».

– Нет, Змей! Нет! – громко выкрикнул Дюк, взглядом давая понять, что молодец, телохранитель, что это правильно – не убивать, не дождавшись его команды. – Он нужен мне!

Змей равнодушно кивнул, и, поставив противника на ноги, затылком к себе, коротко сказал:

– Раздевайся.

– Да! – злорадно выкрикнул Дюк. – Пошевеливайся, Глустор!

– Что есть из оружия – на пол бросай, – добавил Змей и, подняв дагу, отступил на полшага назад.

Отступил, оглянулся. Один из сражённых оскаленным человечком лежал неподвижно. Второй корчился, с натугой пытался выдавить из себя воздух.

– Точно бьёшь, Змей! – проговорил-прокричал Дюк, подбежав к неподвижно лежащему телу. – Ты же убил его! Смотри, он не дышит!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шибер – задвижка в каминной трубе, вращающаяся на оси, ручка от которой выведена наружу.

2

Wood(англ.) – лес.

3

Ползолотого

4

Инициация – в некоторых культурах обряд посвящения, – или в воины, или в члены племени, или в касту жрецов.

5

Антэ– начальная, равная для всех участников ставка.

6

Имелось в виду – на своих первоначальных пяти картах, без замены.

7

Дюк – англ. – герцог.

8

Аверс – лицевая, реверс – обратная стороны монеты.

9

Пара – две одинаковые карты, самая слабая комбинация в покере.

10

Vis-a-vis(франц.) – «тот, кто напротив».

11

Тривиально – элементарно, предельно просто

12

Джокер – карта без масти и без значения. По желанию игрока выдаётся за любую другую карту. В колоде обычно два джокера.

13

Покер – высшая по силе комбинация: пять одинаковых карт.

14

Квази (лат.) – «около», «как будто».

15

Сбоить (термин наездников) – спутаться, пойти вразножку

Купить: https://tellnovel.com/ru/shervud_tom/serye-brat-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)